ПОЛИТИКА РОССІИ

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ЗА АВСТРІЙСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

С. Соловьева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

ПОЛИТИКА РОССІИ

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ЗА АВСТРІЙСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

С. Соловьева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

ПОЛИТИКА РОССІИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗА АВСТРІЙСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

Въ исторіи мы замѣчаемъ постоянное расширеніе исторической сцены, появленіе на ней новыхъ странъ и народовъ. Сцена древней исторіи— это преимущественно берега Средиземнаго моря. Въ такъ-называемой средней исторіи историческая сцена гораздо обширнѣе: она обхватываетъ народы средней, сѣверо-западной и отчасти восточной Европы; въ соотвѣтствіе южному, древнему Средиземному морю важное историческое значеніе получаетъ новое, сѣверное средиземное море Европы, то-есть, Нѣмецко-Балтійское (ибо эти два соединяющіяся другъ съ другомъ моря имѣемъ право разсматривать какъ одно сѣверное средиземное море): на его берегахъ являются цвѣтущіе торговлею Ганзейскіе города, тутъ же города Нидерландскіе, соперники городовъ Италіанскихъ въ промышленной и торговой дѣятельности. Въ концѣ XV вѣка, когда обыкновенно начинаютъ новую исторію, сцена дѣятельности европейскихъ, то-есть, собственно историческихъ народовъ опять сильно расширяется: западный, Атлантическій океанъ, съ открытіемъ Америки и пути въ Индію, становится средиземнымъ моремъ, большою дорогою между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Два вѣка спустя новое расширеніе исторической сцены. Громадная, сплошная часть Европы, великая восточная равнина, такъ рѣзко отличающаяся отъ западной развѣтвленной и гористой части Европы, не входила или входила очень слабо въ общую европейскую историческую жизнь. Здѣсь на востокѣ, подъ завѣсою, шла какая-то невѣдомая работа, возводился фундаментъ какого-то громаднаго зданія; въ началѣ XVII вѣка завѣса вдругъ упала и явилось новое могущественное государство Русское: Швеція, преобладавшая до сихъ поръ на сѣверѣ, потеряла свое значеніе, уступила его Россіи и очистила ей широкое мѣсто у сѣвернаго средиземнаго моря. Реформою Петра Великаго, вступленіемъ Россіи въ систему европейскихъ государствъ дѣло собиранія

Европейской земли въ одно цѣлое почти оканчивается; остается въ отчужденіи одинъ Балканскій полуостровъ по характеру господствующихъ на немъ азіатскихъ варваровъ. Вмѣстѣ со вступленіемъ Россіи въ систему европейскихъ государствъ, третье великое европейское племя, Славянское, получаетъ достойное представительство; его будущность получила съ этихъ поръ полное обезпеченіе, исторія получила въ немъ новаго важнаго дѣятеля.

Понятно, что появленіе Россіи съ преобладающимъ вліяніемъ на сѣверо-востокѣ Европы произвело могущественное вліяніе на европейскую политику. Сначала возбуждены были сильныя опасенія морскихъ державъ, Голландіи и Англіи, на счетъ господства Россіи на Балтійскомъ морѣ. Но эти опасенія не могли имѣть важныхъ послѣдствій, ибо морскія державы скоро увидали, что Россія, не смотря на преобразованія, долго, а можетъ-быть, и никогда не потеряетъ характера земледѣльческаго государства по преимуществу, слѣдовательно, не можетъ быть имъ опасна своею торговою и промышленною дѣятельностію. Гораздо бо̀льшія опасенія были возбуждены во Франціи, считавшей за собою не безъ права первое мѣсто на континентѣ, не смотря на тяжелые удары, нанесенные ей въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола. Этотъ самый неблагопріятный исходъ предпріятій великаго короля заставляетъ французское правительство съ большею внимательностію слѣдить за отношеніями между государствами и сильнѣе хлопотать, чтобъ эти отношенія не установились ко вреду для Франціи. Если мы взглянемъ на предшествовавшую политику Франціи, то легко поймемъ, почему она такъ встревожилась, когда послѣ Полтавы на востокѣ Европы появилось новое могущественное государство, и почему она сейчасъ же враждебно отнеслась къ этому государству. Когда, по окончаніи внутренняго процесса собиранія французской земли, Франція, пользуясь своими обширными средствами, начала стремиться къ первенству въ Европѣ, то въ этомъ стремленіи встрѣтила сильное сопротивленіе въ Габсбургскомъ домѣ: отсюда ожесточенная борьба между нею и Габсбургами; отсюда направленіе французской политики къ тому, чтобы всѣми средствами вредить послѣднимъ; отсюда союзъ ея съ Турціею. Въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола Австрія отплатила Франціи за Тридцатилѣтнюю войну; обнаружилось, что съ Астріею нужно еще вести долгіе счеты; тѣмъ важнѣе становилось для Франціи сохранить старыхъ союзниковъ своихъ, естественныхъ враговъ Австріи, сохранить союзъ съ Турціею, поддержать это государство, сильно упавшее въ концѣ XVII вѣка. Въ это самое время яв-

ляется на сцену могущественная Россія. Понятно, что Франція отнесется къ ней сообразно съ своими интересами, что для нея первымъ вопросомъ здѣсь будетъ: въ какихъ отношеніяхъ должно быть новое государство къ Австріи и Турціи? Враждебность Россіи къ послѣдней была очевидна; но при этой враждебности къ Турціи Россія должна быть естественною союзницею Австріи, которая также враждебна Турціи; ясно, слѣдовательно, что новое государство должно идти на перекоръ французскимъ интересамъ: ненавистная Австрія пріобрѣтаетъ въ немъ могущественнаго союзника, дружественная Турція—страшнаго врага. Но этого мало. Во время Тридцатилѣтней войны Франція отыскала удобное орудіе для нанесенія тяжелыхъ ударовъ Габсбургамъ: то была Швеція. Съ помощію Франціи Швеція получила важное значеніе, утвердилась на германской почвѣ; и Швеція исправно платила свой долгъ: въ ней Франція имѣла вѣрную союзницу противъ Австріи и Германіи, посредствомъ ея распространяла свое вліяніе и на восточную Европу. Но теперь явилось новое государство, которое схватывается съ Швеціею, наноситъ ей страшные удары, отнимаетъ у нея значеніе первенствующей державы на сѣверо-востокѣ Европы и беретъ это значеніе себѣ. Можно было бы помириться еще съ этимъ явленіемъ, если бы Россія могла перенять на себя роль Швеціи въ отношеніи къ Франціи; но она сильнѣе, самостоятельнѣе Швеціи, она враждебна Турціи и потому естественная союзница Австріи. Россія сильна, а подлѣ нея все слабыя государства—Турція, Швеція, Польша. Польша, по своей конституціи, вслѣдствіе избирательности королей, находилась всегда подъ чужимъ вліяніемъ; Франція никогда не отказывалась отъ вліянія въ Польшѣ, столь важнаго подъ бокомъ у Австріи: однажды французскій принцъ уже былъ на польскомъ престолѣ; не удалось въ другой разъ, удастся въ третій и четвертый! Но теперь подлѣ слабой Польши могущественная Россія, которая не преминетъ утвердить свое вліяніе въ Польшѣ; царь уже распоряжается въ ней какъ у себя до́ма; но русское вліяніе въ Польшѣ, разумѣется, будетъ противодѣйствовать вліянію французскому по отношеніямъ къ Австріи и Турціи.

Вслѣдствіе этихъ соображеній Франція, въ послѣдніе пять, шесть лѣтъ царствованія Людовика XIV, употребляетъ дипломатическія усилія (другихъ употребить не могла), чтобъ остановить успѣхи преобразующейся Россіи, дать оправиться Швеціи посредствомъ Турціи и уничтожить русское вліяніе въ Польшѣ. Турецкая война 1711 года была результатомъ этихъ дипломатическихъ усилій Франціи. Прутскій

миръ, не смотря на все его печальное значеніе для Россіи, вовсе не удовлетворялъ Франціи; для нея не имѣло никакого значенія то, что Турція опять пріобрѣтала нѣсколько мѣстъ въ устьяхъ Дона; для нея нужно было продолженіе войны, которая бы удержала Россію отъ окончательнаго торжества надъ Швеціею. Но Франція въ Константинополѣ уже имѣла дѣло съ больнымъ человѣкомъ: сдѣлавши разъ сильное движеніе, онъ утомлялся и спѣшилъ поскорѣе добраться до постели. Не успѣвши въ Константинополѣ, Франція обратилась въ Берлинъ, повела интригу здѣсь, чтобы заставить Пруссію заступиться за Швецію; но Пруссія старается выжить Шведовъ изъ Германіи. Нигдѣ нѣтъ удачи, и Россія Ништадтскимъ миромъ закрѣпляетъ свое первенствующее положеніе въ сѣверо-восточной Европѣ.

Но нельзя ли какъ-нибудь, пользуясь разными благопріятными обстоятельствами, сблизить Россію съ Франціею, заставить новое государство служить французскимъ интересамъ? Франція не отчаявалась въ возможности достигнуть этой цѣли, благодаря, разумѣется, личнымъ, случайнымъ отношеніямъ. На первыхъ порахъ по смерти Петра Великаго, когда въ Россіи еще не успѣли осмотрѣться и уяснить себѣ своего новаго положенія, когда внутреннія смуты по вопросу о престолонаслѣдіи занимали все вниманіе, могла быть надежда на успѣхъ. Но это время не было продолжительно, и какъ только, съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, утвердился порядокъ вещей, обѣщавшій нѣкоторую прочность, то вопросъ о пути, которымъ должна слѣдовать русская политика, былъ рѣшенъ. По поводу вопроса о томъ, сближеніе съ какою изъ главныхъ континентальныхъ державъ предпочтительнѣе для Россіи, съ Франціею или Австріею,— Остерманъ представилъ, что Россія преимущественно должна обращать вниманіе на три сосѣднія государства: Швецію, Польшу и Турцію; но по своимъ отношеніямъ къ нимъ какую пользу можетъ принести Россіи отдаленная Франція, тогда какъ польза отъ согласнаго дѣйствія съ ближайшею Австріей очевидна? Мнѣніе Остермана было принято и осталось на долго, какъ основаніе естественной политики Россіи. Франція немедленно испытала слѣдствія такой политики; ея опасенія, возбужденныя могуществомъ Россіи послѣ Полтавы, оправдались: когда, по смерти польскаго короля Августа II, она захотѣла посадить на польскій престолъ своего кандидата Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV, то русскія войска выгнали Станислава изъ Польши, и согласно съ интересами Россіи и Австріи, на польскій престолъ былъ возведенъ опять курфирстъ Саксонскій, Августъ III.

XVIII вѣку посчастливилось на войны за наслѣдство престоловъ: начался вѣкъ войною за наслѣдство испанскаго престола, потомъ война за польскій престолъ; къ сороковому году готовилась новая страшная война за наслѣдство австрійскаго престола.

Императоромъ Карломъ VI прекращалась мужская линія Габсбургскаго дома: у него была только одна дочь, Марія-Терезія, выданная замужъ за герцога Франца-Стефана Лотарингскаго. Карлъ VI хотѣлъ, чтобы всѣ владѣнія Габсбурговъ достались нераздѣльно его дочери. Эти владѣнія были обширны; но пестрота ихъ состава изначала условливала слабость, бросавшуюся въ глаза. Эта слабость, недостаточность средствъ были особенно поразительны въ самыя важныя для Австріи эпохи, при самыхъ даровитыхъ государяхъ изъ Габсбурговъ, при Карлѣ V, Фердинандѣ II; особенно были поразительны они въ сравненіи съ соперницею Австріи, Франціею, столь обильною внутренними средствами, такъ легко и скоро оправлявшеюся послѣ внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій. Послѣ Тридцатилѣтней войны, Австрія не оправлялась: безъ посторонней помощи она не могла сладить съ Турками, не могла отогнать ихъ отъ Вѣны, безъ посторонней помощи должна была равнодушно смотрѣть на захваты Людовика XIV. Въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка военная репутація Австріи и ея значеніе поднялись; но это явленіе было случайное, зависѣвшее отъ личности одного, и то чужаго для Австріи человѣка: въ 1683 году въ австрійскую службу вступилъ принцъ Евгеній Савойскій, одинъ изъ первыхъ полководцевъ своего времени. Онъ далъ Австріи побѣды надъ Турками, далъ побѣды надъ Французами въ войну за наслѣдство испанскаго престола; наконецъ, далъ новыя побѣды надъ Турками и самый блестящій миръ, какого Австрія никогда съ ними не заключала. Но что всѣ эти успѣхи были случайные, зависѣли отъ личности одного, чужаго человѣка, обозначилось немедленно по смерти принца Евгенія: въ Турецкой войнѣ, которую Карлъ VI началъ въ союзѣ съ Россіею, австрійскія войска явились несостоятельными даже передъ Турками, и слѣдствіемъ былъ постыдный Бѣлградскій миръ, по которому Турки получили назадъ все отнятое у нихъ побѣдами Евгенія Савойскаго. Неспособные генералы, виновники пораженій, были заключены въ крѣпости; но отъ этого не нашлось другихъ болѣе способныхъ; войско, сильно пострадавшее въ Турецкую войну, находилось въ самомъ жалкомъ положеніи, и это наканунѣ смерти Карла VI, когда его наслѣдница должна была выдержать страшную борьбу съ врагами, готовыми напасть на нее со всѣхъ сто-

ронъ, чтобы подѣлить ея наслѣдство. Карлъ VI думалъ, что дипломатическимъ путемъ, путемъ уступокъ, обезпечитъ дочери наслѣдство, склонитъ всѣ дворы признать его распоряженіе, такъ-называемую Прагматическую Санкцію; но жестоко ошибался: уступками онъ только выказалъ свою слабость и тѣмъ приманилъ хищниковъ. Евгеній Савойскій говорилъ ему, что единственное средство упрочить наслѣдство за Маріею-Терезіею — это держать наготовѣ 180.000 войска. Войско сначала собрали, но потомъ распустили подъ предлогомъ недостатка финансовыхъ средствъ; но если бы даже и было войско, то гдѣ были полководцы? Они сидѣли въ тюрьмахъ по крѣпостямъ.

Кто же могли быть эти враги, противъ которыхъ, по мнѣнію Евгенія Савойскаго, наслѣдница Габсбурговъ оружіемъ должна была защищать свое достояніе? Разумѣется, старый герой имѣлъ прежде всего въ виду свое прежнее отечество, Францію, извѣстную соперницу Габсбурговъ. Франція въ описываемое время, казалось, возвратила свое прежнее значеніе, ослабленное въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV. Фридрихъ II Прусскій такъ изображаетъ это значеніе: „Съ Вѣнскаго мира Франція была рѣшительницею судебъ Европы. Ея войска торжествовали въ Италіи и Германіи. Ея министръ Виллньёфъ заключилъ Бѣлградскій миръ; она держала дворы Вѣнскій, Мадридскій и Стокгольмскій въ нѣкоторомъ родѣ зависимости. Ея военныя силы состояли изъ 180 батальйоновъ, каждый въ 600 человѣкъ, изъ 224 эскадроновъ, въ каждомъ по 100 человѣкъ, слѣдовательно, всего 130.400 человѣкъ войска, кромѣ 36.000 милиціи. Ея флотъ былъ значителенъ: она могла отправить въ море 80 кораблей различныхъ разрядовъ, включая сюда и фрегаты; число матросовъ на этомъ флотѣ простиралось до 60.000. Государственные доходы въ 1740 году простирались до 60.000.000 талеровъ, изъ которыхъ 10.000.000 шли на уплату процентовъ“. Но знаменитый король-историкъ, говоря о личномъ характерѣ и характерѣ управленія кардинала Флёри, замѣчаетъ, что кардиналъ, обращая все вниманіе на финансы, слишкомъ пренебрегалъ войскомъ, что̀ обнаружилось поразительнымъ образомъ въ 1733 году (во время войны за польскій престолъ); флотъ былъ почти уничтоженъ. Фридрихъ II замѣчаетъ также, что долгій миръ, которымъ наслаждалась Франція, прервалъ въ ея войскѣ преемство великихъ полководцевъ, и перечисляетъ генераловъ, изъ которыхъ ни одинъ не возвышался надъ посредственностію. Ясно, что Фридрихъ II беретъ здѣсь первыя бросающіяся въ глаза причины — нерадѣніе Флёри, долгій миръ, даже не обращая вниманія на невѣрности и противорѣчія: выставляетъ нера-

дѣніе о военныхъ силахъ, разстройство сухопутнаго войска и флота, и въ то же время торжество этого войска въ Германіи и Италіи! А между тѣмъ Фридрихъ II все же правъ: каковы бы ни были причины, нельзя было не замѣтить въ продолженіе XVIII вѣка, что французское войско было уже не то, что̀ прежде. Современникамъ было трудно вглядываться въ дѣло, намъ теперь оно понятнѣе; намъ понятно, что послѣ Людовика XIV Франція была уже не та, что̀ прежде, что въ началѣ XVIII вѣка произошелъ переворотъ, котораго слѣдствія высказались съ такимъ шумомъ въ концѣ вѣка. До 1715 года Франція жила монархическимъ началомъ, которое давало ей единство и силу; монархическое начало высказалось во всей полнотѣ и во всемъ блескѣ при Людовикѣ XIV. Но это былъ послѣдній блескъ. Въ долгое царствованіе преемника Людовика XIV со стороны короля сдѣлано было все, чтобъ уронить монархическое начало; Людовикъ XVI, не похожій на своего предшественника въ нравственномъ отношеніи, былъ похожъ на него или еще ниже относительно способностей правительственныхъ: и это паденіе монархическаго начала происходило въ теченіе 75-ти лѣтъ! Подлѣ французскихъ королей Франція и вся Европа привыкли видѣть блестящую аристократію, цвѣтъ европейскаго дворянства; какъ великолѣпный король Франціи служилъ образцомъ для государей Европы, такъ блестящее, рыцарственное дворянство Франціи служило образцомъ для дворянства остальной Европы. Воинственная и славолюбивая нація имѣла достойнаго представителя въ своемъ дворянствѣ, которое выставило столько героевъ, прославившихъ французское оружіе, и пріобрѣло репутацію перваго войска въ мірѣ; такое достойное представительство націи поддерживало и первенствующее значеніе французскаго дворянства внутри, какъ бы ни были здѣсь неправильны его отношенія къ другимъ сословіямъ. Но, по удивительному соотвѣтствію, паденіе монархическаго начала во Франціи одновременно съ нравственнымъ паденіемъ французскаго дворянства, съ помраченіемъ славы французскаго войска. Людовикъ XIV, который наслѣдовалъ своихъ знаменитыхъ полководцевъ отъ времени предшествовавшаго, не воспиталъ новыхъ, не смотря на свои частыя войны: доказательство̀, что война можетъ служить школою для существующихъ талантовъ, но не создаетъ талантовъ. Послѣ Людовика XIV, до самой революціи, французское дворянство не выставляетъ замѣчательныхъ полководцевъ: кардиналъ Флёри не могъ быть этому причиною, и двѣ войны, одна осьмилѣтняя (война за австрійское наслѣдство), а другая Семилѣтняя, могли бы выдвинуть таланты. Французское войско и тутъ имѣло

нѣсколько блистательныхъ успѣховъ. Но кому было обязано ими? Иностранцу, Саксонскому принцу Морицу! Нигдѣ такъ ясно, какъ здѣсь, въ военномъ дѣлѣ, не высказалось паденіе французскаго дворянства, сословія преимущественно военнаго. Такимъ образомъ двѣ силы, дѣйствовавшія постоянно въ челѣ народа и достойно его представлявшія, король и дворянство, отказываются отъ своей дѣятельности. Отказывается отъ своей дѣятельности и третье сословіе — духовенство, которое не выставляетъ болѣе изъ своей среды Боссюэтовъ и Фенелоновъ, нѣмо и беззащитно является предъ разрушительнымъ движеніемъ невѣрія. Можно писать большія книги о причинахъ французской революціи, подробно исчислять всѣ злоупотребленія, всю неправильность отношеній между различными частями народонаселенія; но этимъ явленіе вполнѣ не объяснится, ибо нѣтъ такого злоупотребленія, нѣтъ такой неправильности, которыя не могли бы быть отстранены сильнымъ и разумнымъ правительствомъ, умѣющимъ собирать около себя лучшія силы народа. Но во Франціи XVIII вѣка прежде дѣйствовавшія на первомъ планѣ силы отказываются отъ своей дѣятельности, вслѣдствіе чего въ концѣ вѣка происходитъ этотъ болѣзненный переворотъ, болѣзненная, насильственная перестановка силъ, называемая революціею. Въ 1789 году Людовикъ XVI объявилъ президенту дворянства въ собраніи чиновъ, герцогу Люксамбургу: „У меня нѣтъ денегъ, въ войскѣ дурной духъ, я не могу васъ защищать“ И дворянство оставляетъ свой постъ, толпами бѣжитъ изъ Франціи; но извѣстно, какое заключеніе можно вывести о томъ, кто не защищается, а бѣжитъ. Въ XVI вѣкѣ послѣдніе короли изъ Валуа были также слабы; но дворянство не покидало Франціи, удерживало свое положеніе, сосредоточиваясь то около Генриха Бурбона, то около Гизовъ. Тщетно Русская императрица Екатерина II, умѣвшая пользоваться исторіею лучше всѣхъ своихъ современниковъ, твердила, что въ концѣ XVIII вѣка во Франціи дѣло можетъ быть поправлено точно такъ же, какъ два вѣка тому назадъ, тщетно указывала на Генриха IV; во Франціи не было ни Генриха IV, ни Гизовъ; вмѣсто Франциска или Генриха Гиза былъ Филиппъ Эгалите Орлеанскій! Недовольство сильнаго, живущаго народа, недовольство тѣмъ, что силы, дѣйствовавшія до сихъ поръ впереди, обнаруживали свою несостоятельность, отказывались руководить народною жизнію, и такимъ образомъ вызывали переворотъ, перестановку,— это недовольство высказалось въ отрицательномъ, протестующемъ направленіи французской литературы XVIII вѣка. Эта блестящая литература нравилась Фридриху II, онъ не сознавалъ ея

значенія и толковалъ о могуществѣ Франціи, хотя въ то же время указывалъ на бросающіеся въ глаза признаки отсутствія этого могущества. Такая двойственность взгляда, такое противорѣчіе были естественны: трудно было отказаться вдругъ отъ мысли о могуществѣ Франціи, къ которой давно привыкли обращать взоры при рѣшеніи важныхъ вопросовъ европейской политической жизни, тѣмъ болѣе трудно, что нравственное могущество, выражавшееся въ господствѣ литературы, было очень чувствительно, и наконецъ, этому обольщенію на счетъ важности политическаго значенія Франціи содѣйствовало то, что здѣсь не вдругъ исчезли старыя преданія, и признаки прежней жизни высказывались при случаѣ, хотя какъ-то конвульсивно.

Въ такомъ положеніи находилась первенствующая континентальная держава западной Европы; но съ войны за наслѣдство испанскаго престола очевидное, рѣшительное вліяніе на дѣла континента пріобрѣла Англія, такъ долго остававшаяся въ уединеніи вслѣдствіе внутреннихъ движеній, закончившихся во второй половинѣ XVII вѣка утвержденіемъ парламентской формы правленія. Находясь во время реставраціи Стюартовъ въ унизительномъ положеніи, въ зависимости отъ Франціи, Англія, по сверженіи Стюартовъ, высвободилась изъ-подъ вліянія Франціи и явилась грозною противницею Великаго Короля. Не смотря однако на это новое положеніе Англіи, скоро можно было усмотрѣть, что ея вліяніе на дѣла континента вовсе не будетъ такое непосредственное, какъ вліяніе Франціи. Франція, по характеру своего народа, стремилась постоянно къ первенствующей роли на континентѣ, къ игемоніи, стремилась къ распространенію своей территоріи на счетъ сосѣдей, давно уже придумала себѣ такъ-называемыя *естественныя* границы—ближайшую цѣль завоевательныхъ движеній, для чего хлопотала объ ослабленіи сосѣднихъ государствъ, о ихъ раздробленіи. Такъ какъ въ новой Европѣ, которая отличается развитіемъ общей жизни государствъ, одною силою оружія дѣйствовать нельзя, то Франція издавна отличалась широтою и искусствомъ своихъ политическихъ соображеній, умѣньемъ отыскивать союзниковъ вдалекѣ, возбуждать всюду интересы, соотвѣтствующіе ея интересамъ, ея цѣлямъ, издавна отличалась напряженнымъ вниманіемъ ко всему, что̀ дѣлалось въ разныхъ углахъ Европы; однимъ словомъ, во Франціи, по господствующему характеру и стремленіямъ народа и положенію страны, дѣятельность военно-дипломатическая была на первомъ планѣ. Англія по своему островному положенію — отрѣзанный ломоть отъ континентальной Европы, по своей конституціи — чужда завоева-

тельныхъ стремленій относительно Европы; вся ея дѣятельность обращена въ другую сторону: она распространяетъ свои владѣнія за океаномъ; ея господствующій интересъ — торговля; она внимательно приглядывается и чутко прислушивается только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ея торговыхъ и промышленныхъ выгодахъ, отъ чего политика ея необходимо принимаетъ характеръ узкости и односторонности; Англія не любитъ войны, предпринимаетъ ее только въ крайности, когда непосредственно затронутъ ея господствующій интересъ, любитъ вести войну чужими руками, давать деньги вмѣсто войска и прекращать войну при первой возможности, когда опасность для ея господствующаго интереса прошла. Вильгельмъ (III) Оранскій, свергнувшій Іакова II Стюарта, сѣлъ на англійскій престолъ съ господствующею мыслію, принесенною съ континента, мыслію о коалиціи противъ Франціи; Англія была втянута въ войну за испанское наслѣдство; но, не смотря на славу герцога Марльборо, Англія не чувствовала себя ловко въ войнѣ и прежде всѣхъ поспѣшила выйдти изъ нея; Утрехтскаго мира нельзя приписывать только своекорыстнымъ стремленіямъ торійскаго кабинета Оксфорда-Болингброка; нельзя не видѣть, что дѣйствія этихъ министровъ, имѣющія всю видимость интриги, имѣли успѣхъ именно потому, что опирались на желанія народнаго большинства. Потомъ интересы новой Ганноверской династіи втягивали Англію въ дѣла континента: но она сильно упиралась, и политика знаменитаго министра двоихъ первыхъ Георговъ, Вальполя, ясно обнаруживала основной характеръ національной англійской политики, — стремленіе ограничиться тѣснымъ кругомъ насущныхъ интересовъ страны, боязнь предъ вмѣшательствомъ въ континентальныя отношенія, боязнь предъ войною. На континентѣ съ трудомъ могли понять подобную политику; особенно трудно было понять ее Фридриху II, который самъ признается въ своемъ громадномъ честолюбіи, который сейчасъ же употребилъ средства, оставленныя ему отцомъ для завоеваній. Фридриху II было непонятно, какъ можно имѣть обширныя средства и не пользоваться ими для усиленія своего вліянія, своего могущества. „Народъ Англійскій, говоритъ онъ, богаче всѣхъ народовъ Европы: его торговля обнимаетъ весь міръ, его богатства громадны, его средства почти неистощимы, и не смотря на такія выгоды, онъ не занимаетъ между народами того мѣста, которое, по всему, принадлежитъ ему“. Фридрихъ удивлялся, почему Англія, при ея средствахъ, не смѣнила Францію, не получила перваго мѣста, игемоніи въ Европѣ? Франція, Пруссія при англійскихъ богатствахъ, разумѣется, добились

бы этой игемоніи. Фридрихъ старается объяснить политику Англіи личностію короля Георга II и министра его Роберта Вальполя. „Вальполь, говоритъ онъ, держалъ короля въ рукахъ, дѣлая ему сбереженія, которыми Георгъ увеличивалъ Ганноверскую казну; Вальполь руководилъ духомъ націи, раздавая мѣста и пенсіи и такимъ образомъ пріобрѣтая для себя большинство въ парламентѣ; геній Вальполя не выходилъ за предѣлы Англіи; относительно общихъ европейскихъ дѣлъ, онъ полагался на искусство брата своего, Гораса Вальполя. Однажды, когда дамы уговаривали его сѣсть съ ними за карты, онъ отвѣчалъ имъ: „*Я предоставляю карты и Европу моему брату*". Онъ ничего не смыслилъ въ политикѣ". Но въ другомъ мѣстѣ, не замѣчая противорѣчія съ прежде сказаннымъ, Фридрихъ указываетъ, какъ Англія для честолюбивыхъ цѣлей пользуется своими громадными средствами. „Французы, говоритъ онъ, хотятъ побѣждать для завоеваній; Англичане хотятъ покупать государей, чтобъ дѣлать ихъ своими рабами" [1]).

Въ концѣ 1739 года миролюбивая Англія объявила войну Испаніи, ибо затронутъ былъ господствующій интересъ островнаго государства, интересъ торговый. Послѣ долгой и упорной войны, бывшей слѣдствіемъ перемѣны династіи и вмѣшательства чужихъ державъ во внутреннія дѣла Испаніи, послѣдняя стала пробуждаться отъ долгаго сна, и средства пробуждающагося народа высказались въ дѣятельности троихъ министровъ—Альберони, Рипердьі и Патиньо. Благодаря этой дѣятельности, морскія силы и торговля Испаніи начали увеличиваться, она готовилась выйдти изъ страдательнаго положенія, въ какомъ до сихъ поръ держали ее иностранцы относительно торговли. Это сильно не понравилось Англичанамъ. „Я замѣчаю *съ большимъ неудовольствіемъ* успѣхи, которые дѣлаетъ Патиньо въ своемъ стремленіи усилить испанскій флотъ", писалъ англійскій посланникъ; онъ же наивно жаловался своему правительству на злокозненность Патиньо, „который старается отстранить все, что̀ наноситъ вредъ Испаніи". Жалобы посланника находили сильные отголоски въ Англіи, и

[1]) Въ началѣ XIX вѣка Жозефъ де-Мэстръ такъ характеризовалъ политику Англіи: «У Англичанъ нѣтъ нисколько искусства, гибкости, которыя ведутъ къ успѣху въ переговорахъ. Ихъ политика похожа на ихъ волокитство; они только и умѣютъ, что предлагать деньги. Конечно, деньги не вредятъ дѣлу, но лучше бы было понѣжничать. Иногда мнѣ хотѣлось бы имъ сказать: Ради Бога, господа, будьте любезны! съ кабинетами нельзя обходиться такъ, какъ вы обходитесь съ женщинами; вмѣсто того, чтобы предлагать деньги съ мужицкимъ видомъ, полюбезничайте!»

миролюбивый Вальполь не былъ въ состояніи сдержать порывы народа, затронутаго въ своемъ главномъ интересѣ. Пробужденіе Испаніи, ея упорное стремленіе утвердиться въ Италіи заставили обратить на нее вниманіе и разчитывать на ея участіе въ войнѣ за австрійское наслѣдство, въ которую она должна была вступить, опять имѣя въ виду Италію. Долженъ былъ принять участіе въ войнѣ и король Сардинскій съ цѣлію распространить свои владѣнія на счетъ австрійскихъ областей въ Италіи, на счетъ Милана. Сардинскій король Викторъ-Амедей, по словамъ Фридриха II-го, былъ государемъ искуснымъ въ политикѣ и ясно сознававшимъ свои интересы. Министръ его, маркизъ Дормеа хорошо изучилъ Макіавелли. Политика Піемонта состояла въ томъ, чтобы держать равновѣсіе между Австріей и двумя вѣтвями Бурбонскаго дома и этимъ пріобрѣтать средства къ распространенію своихъ владѣній.

Испанія будетъ дѣйствовать въ Италіи; Франція будетъ также дѣйствовать съ этой стороны, будетъ стараться привлечь къ себѣ Сардинскаго короля. Но Франція будетъ дѣйствовать также въ Германіи, здѣсь возбуждать противъ Австріи сильнѣйшихъ владѣльцевъ. Кто же эти сильнѣйшіе владѣльцы? Вопервыхъ, курфирстъ Саксонскій, онъ же и король Польскій. Саксонія самая богатая страна въ Германіи: она обязана своимъ богатствомъ плодородію почвы и промышленности жителей; курфирстъ получаетъ 6 милліоновъ талеровъ ежегоднаго дохода, изъ нихъ 1.500.000 идетъ на погашеніе долга, нажитаго во время избранія двоихъ Саксонскихъ курфирстовъ въ короли Польскіе; у курфирста 24.000 войска, но въ случаѣ нужды онъ можетъ имѣть еще 8.000. Польша, кромѣ королевскаго титула, не прибавляла ничего къ силамъ курфирста Саксонскаго, а личность курфирста Августа II-го (короля Августа III) парализовала силы Саксоніи. Вотъ портретъ Августа, хотя и писанный враждебною кистью Прусскаго короля, однако похожій: „Августъ II-й былъ кротокъ по лѣни, щедръ изъ тщеславія, безъ религіозныхъ убѣжденій подчинялся своему духовнику, и безъ любви преклонялся предъ волею жены; кромѣ этихъ двухъ подчиненій, подчинялся еще любимцу графу Брюлю. Брюль отличался тѣми тонкостями и хитростями, которыя составляютъ политику мелкихъ владѣльцевъ; ни у кого не было больше платья, часовъ, кружевъ, сапоговъ, чулокъ и туфлей. Цезарь отнесъ бы его къ числу тѣхъ отлично завитыхъ и раздушенныхъ головъ, которыхъ нечего бояться. Надобно быть такимъ государемъ, какъ Августъ II-й, чтобы человѣкъ въ родѣ Брюля могъ играть роль перваго министра“.

Послѣ Саксонскаго курфирста сильнымъ владѣльцемъ въ Германіи считался курфирстъ Баварскій. Баварія приносила пять милліоновъ талеровъ дохода, изъ которыхъ милліонъ шелъ на уплату старыхъ долговъ; Франція платила курфирсту субсидію въ триста тысячъ талеровъ; но курфирстъ не могъ выставить въ поле болѣе 12.000 человѣкъ. По словамъ Фридриха II-го, Баварія была самая плодоносная страна въ цѣлой Германіи, но славилась тупостію своихъ жителей: это земной рай, населенный животными.

Но было въ Германіи третье курфиршество, Бранденбургское, котораго владѣтель носилъ титулъ короля Прусскаго. Въ 1740 году народонаселеніе прусскихъ владѣній простиралось до 3.000.000, доходы до семи милліоновъ четырехъ сотъ тысячъ талеровъ, а число войска до 76.000 человѣкъ, изъ которыхъ почти 26.000 были иностранцы. Несоразмѣрность войска съ количествомъ народонаселенія была очевидна; войско было собрано прусскимъ *Калитою*, королемъ-скопидомомъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ I-мъ, который копилъ войско точно такъ же, какъ копилъ деньги, видя въ томъ и другомъ главныя условія силы; онъ оставилъ своему преемнику 8.700.000 талеровъ въ казнѣ и ни копѣйки долгу. Накопленныя силы требовали употребленія, войско и деньги вызывали къ войнѣ, къ завоеваніямъ, къ пріобрѣтенію новыхъ силъ. Разумѣется, все здѣсь зависѣло отъ личности преемника короля-скопидома: деньги могли быть истрачены на пустыя удовольствія; войско могло быть также истрачено или продано, какъ тогда водилось, или могло исчезнуть въ безполезныхъ войнахъ. Но преемникомъ Фридриха-Вильгельма былъ сынъ его Фридрихъ II-й, едва не казненный отцомъ за то, что отецъ съ сыномъ не сошлись характерами. Фридрихъ II-й развилъ свои блестящія способности сильнымъ участіемъ въ литературномъ движеніи XVIII вѣка, развилъ свои способности посредствомъ этого движенія, не подчинившись ему въ томъ, что̀ не было полезно ему въ его положеніи; Фридрихъ II-й философствовалъ, либеральничалъ себѣ на умѣ, писалъ противъ Макіавелли, — и не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ рѣшился воспользоваться вопросомъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ, чтобъ употребить накопленныя отцомъ войско и деньги для расширенія своихъ владѣній. Но онъ видѣлъ, что средствъ Пруссіи недостаточно для веденія успѣшной войны, и началъ искать союзниковъ; вотъ его соображенія: Франція, кромѣ старинной ненависти къ Англичанамъ, питала одинаковую вражду и къ Австрійскому дому; Франція хотѣла добыть Фландрію и Брабантъ и довести свои границы до береговъ Рейна.

Такой планъ не можетъ быть исполненъ вдругъ; надобно, чтобъ онъ созрѣлъ отъ времени и чтобъ обстоятельства ему благопріятствовали. Такимъ образомъ Франція могла быть вѣрною союзницею въ войнѣ противъ Австріи. Что касается до другихъ государствъ, то Испанія и Австрія почти равны силами; но Испанія можетъ вести войну только съ Португаліей или съ Австріею въ Италіи, тогда какъ императоръ можетъ воевать всюду; у него больше подданныхъ, чѣмъ у короля Испанскаго, и онъ можетъ, посредствомъ интриги, присоединить къ своимъ силамъ силы Германской имперіи; но Испанія богаче Австріи; послѣдняя, какъ бы ни обременяла налогами своихъ подданныхъ, все будетъ нуждаться въ иностранныхъ субсидіяхъ для войны; кромѣ того она истощена Турецкою войною, обременена долгами. Пруссія не такъ сильна, какъ Испанія и Австрія, не можетъ мѣряться съ ними одинъ на одинъ, но можетъ занять слѣдующее за ними мѣсто. Пруссія можетъ дѣйствовать, только опираясь на Францію или на Англію. Можно идти вмѣстѣ съ Франціею, которая всегда желаетъ себѣ славы и Австрійскому дому униженія. Отъ Англичанъ можно вытянуть только субсидіи, которыя они дадутъ, имѣя въ виду собственные интересы.

Фридрихъ не ошибся относительно чувствъ Франціи къ Австрійскому дому; но ошибся относительно средствъ Франціи, которая была уже не прежняя. Франціею управлялъ кардиналъ Флёри, дряхлый старикъ, который въ своемъ характерѣ и въ характерѣ своего правленія всего лучше выражалъ одряхлѣніе правительства и верхнихъ слоевъ общества. Отсутствіе жизни, движенія, руководства знаменовало это старческое управленіе, въ которомъ участвовали посредственности, не оставившія памяти въ исторіи. Флёри, подобно Вальполю, больше всего желалъ мира; но у Вальполя это было національное стремленіе, у Флёри антинаціональное; желая мира, Флёри въ то же время не имѣлъ столько силы характера, чтобы препятствовать войнамъ, и только портилъ дѣло, потому что недоставало у него силы и разумѣнія вести его какъ слѣдуетъ. 31-го мая 1740 года умеръ Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, оставивъ престолъ двадцатиосьмилѣтнему сыну Фридриху II-му; 20-го октября того же года умеръ императоръ Карлъ VI. Во Франціи произошло движеніе, но движеніе конвульсивное, соотвѣтствующее старческому одряхлѣнію на верху; это конвульсивное движеніе всего лучше выразилось въ дѣятельности графа Белль-Иля, вождя воинственной партіи. Никакого заранѣе составленнаго плана дѣйствія не было. Марія-Терезія приняла титулъ королевы Венгерской и Богемской; но курфирстъ Баварскій Карлъ

предъявилъ свои права на Габсбургское наслѣдство, какъ мужъ дочери императора Іосифа I-го. Баварскія претензіи остались бы претензіями, если бы въ Германіи не было Фридриха II Прусскаго. Когда другіе еще думаютъ и пишутъ, Фридрихъ начинаетъ дѣло, не смотря на то, что Пруссія признала права Маріи-Терезіи, или Прагматическую Санкцію. Въ декабрѣ прусское войско вступило въ Силезію, подъ предлогомъ, чтобы другіе претенденты на Австрійское наслѣдство не заняли этой провинціи; въ то же время Фридрихъ предложилъ Маріи-Терезіи гарантировать Прагматическую Санкцію и помочь мужу ея Францу получить императорскую корону, если она уступитъ Пруссіи часть Нижней Силезіи за 6 милліоновъ. Предложеніе было отвергнуто. Марія-Терезія обратилась къ державамъ, гарантировавшимъ Прагматическую Санкцію: помощи ни откуда, а между тѣмъ Пруссаки уже овладѣли большею частію Силезіи. Удержитъ ли Фридрихъ свою добычу?—рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ Франціи. Здѣсь Белль-Иль настаивалъ на необходимости войны: правительство отдастъ отчетъ потомству, если не воспользуется такимъ благопріятнымъ случаемъ для окончательнаго сокрушенія австрійскаго могущества; не нужно много войска, много денегъ для раздробленія Австрійскихъ владѣній, и въ Германіи не будетъ уже ни одного сильнаго государства, которое могло бы быть опасно для Франціи; надобно заступиться за Баварію, давнюю союзницу Франціи, дать курфирсту Карлу императорскую корону, Богемію, австрійскую Швабію, Тироль, Верхнюю Австрію; Миланъ отдать второму сыну Испанскаго короля, женатому на дочери Людовика XV-го; Маріи-Терезіи оставить Венгрію, Нижнюю Австрію и Бельгію. Старикъ Флёри былъ противъ войны; но за войну была любовница королевская, мадамъ де-Вентимиль, придворные; дочь короля, жена Испанскаго инфанта, присылала изъ Испаніи отцу слезныя письма, требуя надѣла своему мужу въ Италіи на счетъ Австріи,—и Людовикъ XV-й объявилъ себя за войну; тогда Флёри, по обычаю, уступилъ.

Въ апрѣлѣ 1741 года Фридрихъ II-й разбилъ высланное противъ него въ Силезію австрійское войско при Молвицѣ, и въ лагерь побѣдителя явился французскій маршалъ Белль-Иль съ предложеніемъ союза съ Франціею. Предложеніе было принято, потому что Марія-Терезія и послѣ Молвица отказалась уступить Фридриху Нижнюю Силезію: она надѣялась на помощь Англіи, гдѣ король Георгъ II-й получилъ отъ парламента средства выполнить обязательства оборонительнаго союза съ Австріею; кромѣ того, парламентъ назначилъ

300.000 ливровъ стерлинговъ субсидіи для королевы Венгерской. 5-го іюня былъ заключенъ секретный договоръ между Франціей и Пруссіею: Людовикъ XV гарантировалъ Фридриху II-му Нижнюю Силезію, за что Фридрихъ обѣщалъ дать свой голосъ въ пользу Баварскаго курфирста при избраніи въ императоры. Франція обязалась выслать въ Германію два корпуса: одинъ для поддержанія Баварцевъ въ ихъ нападеніи на Австрію, другой для удержанія Ганноверцевъ и Саксонцевъ, еслибъ они вздумали нападать на Бранденбургъ; наконецъ, Франція обязалась заставить Швецію объявить войну Россіи, чтобы не дать послѣдней оказать помощь Австріи.

Франція выполнила свои обязательства: 80.000 ея войска перешли Рейнъ въ августѣ. Это движеніе, которое давало Пруссіи и Баваріи вѣрный успѣхъ, и война, объявленная Шведами Россіи, заставили и курфирста Саксонскаго объявить себя противъ Маріи-Терезіи; союзники обѣщали ему долю въ добычѣ—Моравію. Георгу II-му французское войско загородило дорогу, и онъ, чтобы спасти Ганноверъ, объявилъ себя нейтральнымъ. Отовсюду враги; союзница—одна далекая Англія, которая не высылала войска; внутри ни денегъ, ни войска: раздѣлъ монархіи Габсбурговъ казался неминуемъ. Но Марію-Терезію спасло, вопервыхъ, внутреннее движеніе, сильное одушевленіе, съ какимъ она была встрѣчена въ Венгріи, возможность создать войско здѣсь и въ областяхъ Славянскихъ; вовторыхъ, ее спасло то обстоятельство, что Франція была не прежняя, а безъ нея Баварія и Саксонія не значили ничего; дѣйствовалъ одинъ Фридрихъ II, съ нимъ однимъ Австрія должна была считаться, одному уступать. Прусскій король, по своимъ способностямъ, сейчасъ же становится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, Юпитеромъ, держащимъ вѣсы въ борьбѣ. Ему надобно усилиться на счетъ Австріи; но ему вовсе не нужно, чтобы Баварія и Саксонія усиливались на ея счетъ, и чтобы Франція преобладала въ Германіи; онъ хотѣлъ опираться на Францію, употреблять ее орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, а никакъ не подчиняться ей; ему нужна была продолжительная война, въ которой бы и Австрія, и Франція, и Баварія, и Саксонія истощили свои силы, а Пруссія, дѣйствуя съ отдыхомъ, укрѣплялась бы, и все больше и больше распространяла свои владѣнія. Видя успѣхи союзниковъ въ Австріи и Богеміи, Фридрихъ, при посредствѣ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ, договаривается съ Маріею-Терезіею, которая уступаетъ ему Нижнюю Силезію (въ октябрѣ 1741 г.); при этомъ Фридрихъ не обращаетъ никакого вниманія на прежнее свое обязательство не

заключать мира безъ Франціи и Баваріи. Но когда Австрійцы, оправившись, въ свою очередь, вторглись въ Баварію, Фридрихъ снова началъ враждебныя дѣйствія противъ Маріи-Терезіи, опустошилъ Моравію, гдѣ взялъ все, что̀ только могъ взять — людей, лошадей, деньги.

Война разгоралась сильнѣе въ 1742 году. Англія не могла быть спокойна, видя, какъ Франція распоряжается въ Германіи, какъ успѣла короновать своего союзника, Баварскаго курфирста, императоромъ подъ именемъ Карла VII и королемъ Богемскимъ. Тутъ уже затрогивался непосредственно англійскій интересъ и поднималась закоренѣлая народная ненависть къ Франціи. Вальполь сдѣлалъ страшную ошибку, не понявъ этого и продолжая противиться войнѣ; употребляя до сихъ поръ съ успѣхомъ подкупъ, онъ думалъ, что подкупомъ можетъ остановить войну, сдѣлавшуюся національнымъ дѣломъ; онъ просилъ у Флёри три милліона для подкупа главъ оппозиціи и писалъ ему по этому случаю: „Я плачу субсидіи половинѣ членовъ парламента, чтобъ удержать ихъ въ мирныхъ границахъ; но такъ какъ у короля нѣтъ достаточно денегъ и такъ какъ тѣ, которымъ ничего не дается, открыто ратуютъ за войну, то хорошо было бы, если бы ваше преосвященство ссудили меня тремя милліонами, чтобы поослабить голосъ тѣхъ, которые кричатъ очень громко. Золото — это такой металлъ, который смягчаетъ кровь самую воинственную. Нѣтъ въ парламентѣ такого бурнаго воина, который бы не утихъ, получивъ пенсію въ 2.000 фунтовъ“. Вальполь былъ свергнутъ и замѣненъ лордомъ Картеретомъ, отъявленнымъ врагомъ Франціи (въ февралѣ 1742). Сухопутныя и морскія силы Англіи были увеличены; 16.000 войска отправлено въ Австрійскіе Нидерланды; Маріи-Терезіи назначено 500.000 фунтовъ субсидіи; Голландія, по настоянію Англіи, также назначила субсидію королевѣ Венгерской. Но прежде всего Англія опять стала хлопотать объ освобожденіи Маріи-Терезіи отъ главнаго ея врага, Фридриха Прусскаго, который въ маѣ 1742 года снова разбилъ Австрійцевъ въ Богеміи при Часлау (Хотузицъ). Фридрихъ согласился на миръ, когда ему была уступлена вся Силезія (кромѣ Троппау, Эгерсдорфа и Тешена). Миръ былъ заключенъ въ Бреславлѣ въ іюлѣ 1742 года. Желая оправдаться въ нарушеніи договора съ Франціею, Фридрихъ разказывалъ, будто французскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, Шетарди, объявилъ императрицѣ Елисаветѣ, что самое вѣрное средство примирить Россію съ Швеціею — это вознаградить послѣднюю въ Помераніи на счетъ Прусскаго короля; будто

императрица отвергла это средство и дала знать о предложеніи Шетарди прусскому посланнику, находившемуся при ея дворѣ; будто бы, въ то же время, кардиналъ Тансэнь объявилъ папѣ, отъ имени своего двора, чтобы св. отецъ не тревожился усиленіемъ Пруссіи, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ Франція сумѣетъ унизить еретиковъ, какъ умѣла возвысить. Въ письмѣ къ кардиналу Флёри Фридрихъ иначе объяснялъ причины Бреславскаго мира: „Будущее представляетъ мнѣ долгую, безконечную войну, тяжесть которой преимущественно падетъ на меня. Съ одной стороны, англійскія деньги вооружаютъ всю Венгрію, съ другой, усиліями Маріи-Терезіи, провинціи ея родятъ солдатъ. Венгерцы готовы напасть на Верхнюю Силезію; Саксонцы способны дѣйствовать по согласію съ Австрійцами и сдѣлать диверсію въ мои наслѣдственныя владѣнія, теперь беззащитныя. Будущее представляетъ мнѣ только мрачную перспективу, и въ такомъ критическомъ положеніи, хотя съ сердечною скорбію, я увидѣлъ себя въ необходимости спасаться отъ крушенія и искать убѣжища“ Фридрихъ вышелъ изъ войны — съ Силезіею. „Такимъ образомъ — говоритъ онъ — Силезія была присоединена къ Пруссіи. Двухъ лѣтъ было достаточно для завоеванія этой важной провинціи. Казна, которую накопилъ покойный король, почти истощилась; но заплатить семь или восемь милліоновъ за Силезію — это очень дешево. Обстоятельства особенно благопріятствовали успѣху предпріятія; надобно же было, что Франція дала вовлечь себя въ эту войну, что Россія подверглась нападенію со стороны Швеціи, что Ганноверцы и Саксонцы, по робости, остались въ бездѣйствіи, что успѣхи не прерывались, и Англійскій король, врагъ Пруссаковъ, сталъ, по неволѣ, орудіемъ ихъ усиленія. Особенно содѣйствовала пріобрѣтенію Силезіи армія, формированная въ продолженіе 22-хъ лѣтъ посредствомъ отличной дисциплины и превосходившая арміи остальной Европы; притомъ генералы были истинные граждане, министры — мудрые и неподкупные; наконецъ, успѣху содѣйствовало счастіе, которое часто сопровождаетъ молодость и покидаетъ старость“.

Фридрихъ могъ бы прибавить, что счастіе было также и на сторонѣ молодой Маріи-Терезіи и покинуло дряхлаго Флёри, представителя одряхлѣвшаго французскаго правительства. Въ началѣ 1743 г., маршалъ Белль-Иль привелъ назадъ во Францію 12.000 истощеннаго войска, жалкіе остатки той арміи, которая, при лучшемъ предводительствѣ, могла бы разрушить монархію Габсбурговъ. Австрійцы выбили непріятеля изъ Богеміи. Въ январѣ 1743 года умеръ Флёри на

90-мъ году своей жизни; но и послѣ его смерти французское правительство не помолодѣло. Людовикъ XV объявилъ, что не будетъ искать перваго министра, и дѣйствительно, перваго министра не было, но за то не было и никакого единства въ правительственныхъ дѣйствіяхъ, ибо король самъ дать этого единства не могъ по недостатку яснаго пониманія дѣла и рѣшительности; въ королевскомъ совѣтѣ много говорили и ничего почти не рѣшали; каждый отдѣльный министръ управлялъ независимо и неограниченно своимъ министерствомъ. Австрійцы начали наступательное движеніе, вошли въ Баварію, вытѣсняя баварскія и французскія войска; императоръ Карлъ VII долженъ былъ покинуть Мюнхенъ и отправиться во Франкфуртъ. Голландцы приняли дѣятельное участіе въ войнѣ; Саксонія перешла на сторону Австріи; Сардинскій король Карлъ-Эммануилъ, за уступку части Миланской области отъ Австріи и за 200.000 фунтовъ стерлинговъ ежегодной субсидіи отъ Англіи, вступилъ въ англо-австрійскій союзъ. Съ другой стороны, Франція заключила съ Испаніею неразрывный союзъ (фамильный договоръ, pacte de famille), съ обязательствомъ добыть всю Миланскую область и Парму для инфанта донъ-Филиппа. Но это нисколько не возстановляло равновѣсія, и Прусскій король сильно безпокоился: „Европейскія дѣла запутывались все болѣе и болѣе. Успѣхи Австрійцевъ вскрыли ихъ честолюбіе. Не было сомнѣнія, что они хотѣли свергнуть императора; Англійскій король содѣйствовалъ къ достиженію той же цѣли. Слабость Карла VII и громадность претензій Венгерской королевы внушали государямъ, любящимъ свою свободу, что они не должны долго оставаться простыми зрителями войны, что ихъ интересъ и слава требовали, чтобъ они не допускали побѣды древнихъ враговъ германской свободы“. Къ этимъ общимъ соображеніямъ для короля Прусскаго присоединялись частныя: ни королева Венгерская, ни король Англійскій не умѣли скрывать своей вражды къ нему. Марія-Терезія жаловалась королю Георгу на то, что должна была дѣлать уступки и особенно жалѣла о Силезіи. „Что̀ можно взять, то можно и отдать“, отвѣчалъ Георгъ. Такъ какъ король Фридрихъ никогда не довѣрялъ врагамъ, съ которыми заключалъ миръ, то особенное вниманіе его было обращено на то, чтобы быть готовымъ на всякій случай. Хорошая экономія нѣсколько залѣчила раны, нанесенныя прежнею войною; накоплены были суммы, достаточныя для двухъ кампаній. Пріобрѣтеніе Силезіи дало новыя силы государству, и Пруссія была способна энергически выполнить планы своего государя. Королева Венгерская и король Англійскій, заключая союзы съ Сарди-

ніею и Саксоніею, могли предвидѣть, что Прусскій король, если не отупѣлъ совершенно, не станетъ хладнокровно смотрѣть, какъ принимаются мѣры для его сокрушенія, и скорѣе всего употребитъ послѣднія усилія для предупрежденія враговъ. Было очевидно, что Пруссія не находила болѣе безопасности въ Бреславскомъ мирѣ и должна была искать ее въ чемъ-нибудь другомъ. Министры Прусскаго короля представляли своему государю, что кто чувствуетъ себя хорошо, не долженъ двигаться, что дурное правило въ политикѣ вести войну для ея избѣжанія, и что всего нужнѣе ждать отъ времени. Король отвѣчалъ, что робость ослѣпляетъ ихъ, что безумно не предупреждать несчастія во-время, когда есть средства обезпечить себя отъ него.

5-го іюня 1744 года между Франціею и Пруссіею заключенъ былъ секретный договоръ: Фридрихъ обѣщалъ напасть на Богемію, Людовикъ XV — выслать двѣ арміи въ Баварію и Вестфалію; часть Богеміи отходила къ Пруссіи, остальное должно было принадлежать императору Карлу VII; Франція вознаграждала себя Фландрскими городами. Такимъ образомъ, — Прусскій король снова положилъ на одну чашку вѣсовъ тяжелую гирю. Предшествовавшія событія показали значеніе Пруссіи, — значеніе, заключавшееся преимущественно въ личныхъ средствахъ ея короля, безспорно, занимавшаго тогда первое мѣсто между историческими дѣятелями по счастливому сочетанію военныхъ и политическихъ способностей. Въ 1744 году западная Европа представляла то же явленіе, какое представляла она въ первое десятилѣтіе вѣка, во время войны за Испанское наслѣдство: противъ Франціи союзъ Австріи, Англіи, Голландіи; но тогда Франція не могла выставить противъ враговъ ни одного военнаго таланта, равнаго талантамъ принца Евгенія и Марльборо, и потому должна была поникнуть; теперь же Австрія и Англія не могутъ выставить ни Евгенія, ни Марльборо, а съ Франціею въ союзѣ первый талантъ времени — Фридрихъ II Прусскій; равновѣсіе явно нарушено въ пользу франко-прусскаго союза. Какъ же смотрѣли на дѣло на Востокѣ, въ Россіи: догадывались ли, что равновѣсіе это нарушено, и считали ли это нарушеніе опаснымъ для себя?

Фридрихъ II, предъ началомъ своей дѣятельности, сдѣлалъ смотръ всѣмъ державамъ Европы, ихъ средствамъ, чтобъ уяснить себѣ, противъ кого можно успѣшно дѣйствовать и гдѣ искать помощи. Разумѣется, онъ не могъ забыть о Россіи; онъ подходилъ съ разныхъ сторонъ къ этой новорожденной загадочной имперіи, всматривался

внимательно и заботливо, то успокоивалъ себя, то вдругъ тревожился. Успокоивала его мирная политика Россіи, невмѣшательство ея въ европейскія дѣла, не касавшіяся Швеціи и Польши. „Россія — казалось Фридриху въ 1740 году, — не имѣла тогда достаточно вѣса въ европейской политикѣ, чтобы дать перевѣсъ той сторонѣ, за которую она стояла. Вліяніе этой новой имперіи не простиралось далѣе Швеціи и Польши. Петръ I, чтобы цивилизовать свой народъ, работалъ надъ нимъ, какъ крѣпкая водка надъ желѣзомъ, былъ и законодателемъ, и основателемъ этой обширной имперіи; онъ создалъ людей, солдатъ, министровъ; основалъ городъ Петербургъ, завелъ значительный флотъ и заставилъ всю Европу уважать свой народъ и свои удивительные таланты. Въ 1740 году Россія могла выставить въ поле безъ усилія 170.000 войска; флотъ ея состоялъ изъ 12-ти линейныхъ кораблей, 26-ти кораблей низшаго разряда и 40 галеръ. Доходы имперіи простирались до 15.000.000 талеровъ — сумма умѣренная въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ страны; но въ Россіи все дешево. Самая необходимая для государей жизненная потребность — солдаты не стоятъ здѣсь и половины того, что̀ тратятъ на ихъ содержаніе другія государства Европы. Петръ I составилъ проектъ, какого не составлялъ ни одинъ государь до него. Завоеватели стараются только о томъ, чтобы распространять свои владѣнія, а Петръ хотѣлъ сократить пространство своего государства, потому что послѣднее было дурно населено въ сравненіи съ обширностью. Онъ хотѣлъ сосредоточить 12.000.000 жителей, разсѣянныхъ по имперіи, между Петербургомъ, Москвою, Казанью и Украйною, чтобъ это пространство было хорошо населено и обработано, остальныя же области представляли бы пустыню — превосходную защиту отъ Персіянъ, Турокъ и Татаръ. Смерть помѣшала великому человѣку привести въ исполненіе этотъ планъ. Послѣ несчастій Карла XII и утвержденія Августа Саксонскаго въ Польшѣ, послѣ побѣдъ Миниха надъ Турками, Русскіе держали въ своихъ рукахъ судьбы Сѣвера; они были такъ страшны, что никто не могъ ждать успѣха въ нападеніи на нихъ, ибо, чтобы достигнуть до нихъ, нужно пройдти пустыни, и можно было все потерять, если бы даже ограничиться оборонительною войною въ случаѣ ихъ нападенія. У нихъ въ войскѣ множество Татаръ, казаковъ и Калмыковъ; эти кочевыя орды хищниковъ и зажигателей способны опустошить самыя цвѣтущія провинціи, прежде чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ. Для избѣжанія этихъ опустошеній, сосѣди избѣгаютъ столкновеній съ Россіею, а Русскіе смотрятъ на

союзы, заключенные ими съ другими народами, какъ на покровительство, которымъ они удостоиваютъ своихъ кліентовъ".

Фридрихъ какъ будто предчувствовалъ удовольствіе, какое должны были въ послѣдствіи доставить ему Татары, казаки и Калмыки. Россія миролюбива, обращаетъ вниманіе только на ближайшихъ сосѣдей; но именно для этихъ ближайшихъ цѣлей она ясно опредѣлила свои взгляды и на отношенія къ другимъ государствамъ. Такъ, она держалась австрійскаго союза по одинаковости интересовъ относительно Турціи и Польши, и постоянно отвергала союзъ французскій. Въ интересахъ Россіи не допускать крайняго ослабленія Австріи и преобладанія Франціи при союзахъ послѣдней съ Турціею и Швеціей. Это хорошо понимали въ западной Европѣ и принимали свои мѣры: Франція держала на готовѣ Швецію, чтобы при первой надобности спустить ее на Россію и такимъ образомъ отвлечь послѣднюю отъ поданія помощи Австріи; но кромѣ того, есть надежда на внутреннія перемѣны, которыя могутъ повлечь за собою и перемѣну внѣшней политики; интриговать съ этою цѣлію французское правительство отправило въ Петербургъ маркиза Шетарди, который и завязалъ сношенія съ цесаревною Елисаветою Петровною для сверженія Брауншвейгскаго дома. Швеція объявила войну Россіи въ рѣшительную минуту, когда надобно было занять Петербургскій дворъ; объявленіе войны Шведами ускорило переворотъ: цесаревна Елисавета взошла на престолъ; однако новое правительство не высказывалось рѣшительно относительно вопросовъ внѣшней политики[1]), и вотъ въ Петербургѣ открывается ожесточенная дипломатическая война; образуются два враждебныхъ стана одинъ противъ другаго: посланники французскій, прусскій, императорскій (баварскій) стараются всѣми силами отвлечь Россію отъ Англіи и Австріи и втянуть въ франко-прусскій союзъ; посланники англійскій и австрійскій хлопочутъ о противномъ. И та и другая сторона находятъ доброжелателей при дворѣ: за франко-прусскій союзъ ратуетъ одинъ изъ близкихъ довѣренныхъ людей при императрицѣ, Лестокъ, а съ Лестокомъ Бриммеръ, гофмаршалъ при наслѣдникѣ престола, великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ. Но противъ франко-прусскаго союза упорно стоитъ вице-канцлеръ, а потомъ и канцлеръ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Бестужевъ, преемникъ и врагъ Остермана, остался вѣренъ политикѣ послѣдняго, которая имѣетъ для него освященіе политики

---

[1]) Подробности объ этомъ см. въ моей статьѣ: «Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ», напечатанной въ журналѣ *Русская Рѣчь*.

національной, политики Петра Великаго; характеръ Прусскаго короля, его дѣятельность еще болѣе утверждають Бестужева въ принятомъ разъ направленіи: онъ видитъ во Фридрихѣ II-мъ опаснаго для Россіи сосѣда; опаснымъ является для него союзъ сильнѣйшей западно-европейской континентальной державы, Франціи съ Прусскимъ королемъ, начавшимъ играть первостепенную роль по своимъ талантамъ и честолюбію; неразумно увеличивать еще силы этого опаснаго союза силами Россіи. Основанія своей политики Бестужевъ высказалъ такъ: „Своихъ союзниковъ не покидать, а оные суть морскія державы (Англія и Голландія), которыхъ Петръ I-й всегда наблюдать старался; король Польскій, яко курфирстъ Саксонскій, королева Венгерская по положенію ихъ земель, которые натуральный съ сею имперіею интересъ имѣютъ. Сія система, система Петра Великаго". Пока Бестужевъ находился во главѣ управленія иностранными дѣлами, до тѣхъ поръ Франція и Пруссія не могли надѣяться на успѣхъ въ своемъ дѣлѣ: понятно, что со стороны этихъ державъ были употреблены всѣ усилія для сверженія ненавистнаго министра, и прежде всего постарались распустить молву, что направленіе Бестужева проистекаетъ изъ дурныхъ источниковъ, что онъ подкупленъ Англіею и Австріею. Но Бестужевъ былъ силенъ личными средствами; императрица была убѣждена въ благонамѣренности и незамѣнимости этого государственнаго человѣка, послѣдняго изъ школы отца ея; Бестужевъ опирался на большинство вліятельныхъ людей при дворѣ, которые признавали его политику національною и между которыми находился фаворитъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

На первыхъ порахъ цѣль Бестужева состояла въ томъ, чтобы сохранить за Россіею независимое положеніе, не дать ей втянуться во франко-прусскій союзъ, тѣмъ болѣе, что на плечахъ была Шведская война, а потомъ дѣло о шведскомъ престолонаслѣдіи, гдѣ русскіе интересы были непосредственно замѣшаны. Шведская война кончилась блистательно для Россіи, и этотъ успѣхъ, доказывавшій, что дѣло Петра Великаго укоренилось, произвелъ сильное впечатлѣніе въ Европѣ. „Торжество Россіи, говоритъ Фридрихъ II-й, заставило Шведовъ отправить въ Петербургъ своихъ сенаторовъ для предложенія шведской короны молодому великому князю, племяннику императрицы (Петру Ѳеодоровичу). Ничего не могло быть унизительнѣе для Швеціи, какъ отказъ великаго князя, который нашелъ, что шведская корона ниже его достоинства. Маркизъ Ботта, австрійскій министръ въ Петербургѣ, сказалъ великому князю по этому случаю: „Я бы желалъ,

чтобы королевѣ моей государынѣ было такъ же легко сохранить свои государства, какъ вашему императорскому высочеству легко отказываться отъ коронъ“. По настоянію Русской императрицы наслѣдникомъ шведскаго престола былъ избранъ герцогъ Голштинскій, дядя великаго князя Петра Ѳеодоровича. Это преобладающее вліяніе Россіи на Сѣверѣ еще болѣе заставляетъ европейскіе дворы хлопотать о ея союзѣ. Французскій посланникъ Шетарди дѣйствовалъ съ „furia francese“, чтобы сломить во что̀ бы то ни стало Бестужева, которому одному приписывалъ мирную политику Россіи. Прусскій посланникъ Мардефельдъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ „Шетарди — писалъ онъ къ своему двору — непремѣнно преодолѣетъ всѣхъ своихъ политическихъ соперниковъ и оставитъ ихъ съ длинными носами“. Но за Бестужева работали почтъ-директоръ Ашъ и профессоръ Таубертъ: они вскрывали и разбирали шифрованныя депеши иностранныхъ посланниковъ, которыя Бестужевъ передавалъ императрицѣ съ своими замѣчаніями. Замѣчанія клонились къ тому, чтобъ указать на клеветы, распространяемыя врагами Бестужева, и на противныя русскимъ интересамъ старанія вовлечь Россію въ войну: „Прусскій дворъ всѣми удобовымышленными способы старается, чтобы россійско-императорскій съ римско-императорскимъ (баварскимъ) дворомъ соединить, дабы чрезъ оное россійско-императорскій дворъ у древнихъ союзниковъ въ подозрѣніе, а наконецъ, и въ несогласіе привесть, онымъ въ тайныхъ своихъ предвоспріятіяхъ пользоваться. — По всѣмъ Мардефельдовымъ (прусскаго посланника) поступкамъ и различнымъ внушеніямъ не безъ подозрѣнія есть, что не тщится ли прусскій дворъ нынѣ продолжающей государя Петра Великаго системѣ какое поврежденіе учинить, дабы чрезъ то императора Римскаго и Францію съ здѣшнимъ императорскимъ дворомъ соединить, и приведя съ древними союзниками въ холодность, скрытыя свои намѣренія въ дѣйство произвесть или присовокупить себѣ Курляндію[1]), или что̀ зачать съ Польшею“.

Бестужевъ стоялъ твердо, не смотря на не благопріятныя обстоятельства. Онъ говорилъ, что Пруссія старается привести Россію въ холодность съ прежними союзниками; но и мимо Пруссіи, вдругъ по несчастному обстоятельству, послѣдовало не только охлажденіе, но и раздраженіе императрицы Елисаветы противъ австрійскаго двора. Въ 1743 году, вскрылось такъ-называемое Лопухинское дѣло, сущность котораго состояла въ томъ, что нѣкоторые недовольные воцареніемъ

¹) Фридрихъ старался, чтобы Курляндія досталась находившемуся въ его службѣ и совершенно ему преданному герцогу Фердинанду Брауншвейгскому.

Елисаветы, потерявшіе чрезъ него прежнее значеніе, рѣзко выражались объ императрицѣ, желали ея сверженія и возстановленія Брауншвейгской фамиліи; въ этихъ желаніяхъ и надеждахъ они поддерживались заявленіями австрійскаго посланника, маркиза Ботты, которому также не нравился новый порядокъ вещей: въ послѣднее время правленія Анны Леопольдовны Австрія имѣла полное право надѣяться, что Россія, въ союзѣ съ нею, приметъ дѣятельное участіе въ войнѣ; сверженіе Анны Леопольдовны уничтожило эти надежды, откуда и понятно раздраженіе Ботты. Переведенный изъ Петербурга къ Берлинскому двору, Ботта передъ отъѣздомъ говорилъ, что будетъ стараться о возстановленіи Брауншвейгской фамиліи на русскомъ престолѣ; недовольные обращались къ нему со страхомъ и надеждою, говорили: „Ботта-то и страшенъ, а иногда и увеселитъ". Когда такое поведеніе австрійскаго посланника было вскрыто въ Лопухинскомъ дѣлѣ, то русскій посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, Ланчинскій, потребовалъ у Маріи-Терезіи удовлетворенія. Та отвѣчала, что убѣждена въ невинности Ботты, потому что ему строго запрещено было вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи. Онъ всегда исполнялъ свои обязанности такъ добросовѣстно, велъ себя такъ предусмотрительно и благоразумно, что никакъ нельзя повѣрить, чтобъ онъ былъ виновенъ въ такомъ грубомъ и нелѣпомъ поступкѣ. Въ его донесеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на образъ дѣйствій, въ которомъ онъ теперь обвиняется. Какъ бы желая отвлечь вниманіе отъ Ботты, Марія-Терезія въ своемъ отвѣтѣ хотѣла возбудить гнѣвъ императрицы Елисаветы на поведеніе враждебныхъ Австріи дворовъ относительно Россіи. „Не Ботта, писала она, выхлопоталъ у Порты субсидію для Шведовъ и подучалъ Турокъ и Татаръ разорвать миръ съ Россіею, стараясь доставить шведскій престолъ враждебному Россіи государю. Весь свѣтъ знаетъ, кто такъ дѣлалъ; но теперь тѣ, которые дѣйствовали подобнымъ образомъ, въ ладахъ съ русскимъ правительствомъ, а тѣ, которые предостерегали его, являются измѣнниками въ его глазахъ".

Но это обвиненіе другихъ нисколько не могло уменьшить раздраженія, произведеннаго оправданіемъ Ботты; а между тѣмъ Фридрихъ II-й спѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы заискать доброе расположеніе Русской императрицы. Онъ поздравилъ Елисавету съ открытіемъ страшнаго заговора; совѣтовалъ принять строгія мѣры противъ Брауншвейгской фамиліи, тогда какъ австрійскій дворъ съ самаго начала ходатайствовалъ за нее; наконецъ, Фридрихъ далъ знать въ Петербургъ, что не потерпитъ при своемъ дворѣ Ботты, такъ жестоко

провинившагося противъ Русской императрицы. Но Фридрихъ трудится понапрасну: русское правительство холодно относительно Австріи, ласково съ Пруссіею и съ Франціею, но въ союзъ франко-прусскій не вступаетъ, и ненавистный Бестужевъ остается по прежнему во главѣ управленія иностранными дѣлами. Фридрихомъ овладѣвало раздраженіе; онъ начинаетъ думать, какъ бы поживиться на счетъ Австріи, Саксоніи, — и вдругъ представляются ему Калмыки, Татары и казаки, наводняющіе Пруссію; это раздраженіе высказывается въ его запискахъ. „Изо всѣхъ сосѣдей Пруссіи, Россія заслуживаетъ наиболѣе вниманія, какъ держава самая опасная: она подлѣ и она могущественна. Будущіе правители Пруссіи также увидятъ необходимость заискивать дружбу этихъ варваровъ. Король[1]) боялся не столько многочисленности русскихъ войскъ, сколько полчищъ казаковъ и Татаръ, которые выжигаютъ области, убиваютъ жителей или уводятъ ихъ въ плѣнъ. Другому непріятелю можно воздать зломъ за зло; но въ отношеніи къ Россіи это невозможно, развѣ имѣть значительный флотъ для обереганія и прокормленія арміи, которая пойдетъ къ самому Петербургу". Флота нѣтъ, Татары и казаки примчатся къ Берлину скорѣе, чѣмъ прусская армія дойдетъ до Петербурга; надобно, во что бы то ни стало, обезпечить себя съ русской стороны. Средство найдено: императрица Елисавета ищетъ невѣсты для своего племянника и наслѣдника, великаго князя Петра Ѳеодоровича. Ненавистный Бестужевъ хочетъ устроить бракъ великаго князя съ принцессою Маріанною, дочерью Саксонскаго курфирста: опасность, страшная для Пруссіи, и Фридрихъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы разстроить этотъ планъ и найдти для наслѣдника русскаго престола другую невѣсту, болѣе соотвѣтствующую видамъ Пруссіи. Полный успѣхъ вѣнчаетъ дѣло: великій князь женится на принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, которой отецъ состоялъ генераломъ прусской службы, которой мать была родная сестра наслѣдника шведскаго престола. Какъ скоро улаженъ былъ бракъ великаго князя, Фридрихъ уладилъ другой бракъ: выдалъ сестру свою за наслѣднаго принца Шведскаго. „На этихъ двухъ бракахъ Пруссія основывала свою безопасность — говоритъ Фридрихъ. Прусская принцесса подлѣ шведскаго трона не могла дѣйствовать враждебно противъ короля, своего брата, и русская великая княгиня, воспитанная въ прусскихъ владѣніяхъ, обязанная королю своимъ счастіемъ, не могла платить ему неблагодарностью".

[1]) Такъ Фридрихъ обыкновенно говоритъ о себѣ.

Русская великая княгиня была еще очень молода; но за то мать ея дѣйствовала совершенно въ видахъ Пруссіи. Посланникъ императора Карла VII-го, Нейгаузенъ, писалъ своему государю въ іюлѣ 1744 года: „Принцесса Цербстская вручила мнѣ письмо къ вашему императорскому величеству, при чемъ сказала, что она не только по вассальнымъ своимъ отношеніямъ къ имперіи, но и по личному чувству, наслѣдственному въ ея домѣ, питаетъ особенную покорность и уваженіе къ высочайшей вашей особѣ, къ чему она и свою дочь, которая съ своимъ будущимъ супругомъ и сама къ тому склонна, съ прочими ихъ окружающими самымъ ревностнымъ образомъ приклонять будетъ“. Прусскій посланникъ Мардефельдъ писалъ въ Берлинъ: „Я долженъ отдать справедливость принцессѣ Цербстской, что она истинно объ интересахъ королевскихъ усердствуетъ“. И не смотря на то, Фридрихъ говоритъ: „Король Прусскій не вполнѣ успѣлъ въ своихъ интригахъ, и то, что онъ могъ получить отъ Россіи, не соотвѣтствовало его надеждамъ“ Бестужевъ не только оставался въ силѣ, но и успѣлъ сломить самаго опаснаго врага своего, Шетарди, который съ безчестіемъ былъ высланъ изъ Россіи, а между тѣмъ нарушеніе Фридрихомъ II-мъ Бреславскаго мира снова возбуждало противъ него опасенія въ Россіи. Въ августѣ 1744 года онъ внезапно вторгнулся въ Богемію и занялъ Прагу. Мардефельдъ, поздравляя своего короля со взятіемъ этого города, писалъ: „Великій князь мнѣ сказалъ: я сердечно поздравляю; молодая великая княгиня многократно повторяла: „слава Богу!“ — принцесса мать не находила довольно сильныхъ выраженій для своей радости; другіе многіе меня поздравляли; *но число тѣхъ, которые морщатся, превосходитъ*“.

Это превосходство числа тѣхъ, которые морщились отъ побѣдъ Прусскаго короля, не предвѣщало послѣднему добра. 11-го сентября 1744 года, въ бытность императрицы въ Кіевѣ, вице-канцлеръ Воронцовъ подалъ ей мнѣніе: „Прусскій король принялъ дѣйствительное положеніе привесть въ крайній упадокъ еще сильный домъ Австрійскій и началъ войну подъ предлогомъ опасенія потерять Силезію, которая, при его настоящей силѣ, никакъ отъ него отойти не можетъ; конечно, онъ другіе тайные виды имѣетъ — согласясь съ Франціею и Цесаремъ, завоевавши Богемское королевство и раздѣливъ его съ Цесаремъ, сдѣлать себя сильнымъ и страшнымъ для всѣхъ сосѣдей, и поставя себя въ такое положеніе, простирать далѣе свои намѣренія, какъ въ свою пользу, такъ въ пользу Франціи и другихъ союзниковъ своихъ, не весьма доброжелательныхъ Россіи. При такомъ усиленіи

короля Прусскаго и при его нравѣ хитромъ, скрытномъ и завоевательномъ (конкерантномъ), кто поручится, что онъ ничего не предприметъ противъ Россіи? Если онъ станетъ дѣйствовать противъ Польши, забирать ея города и земли, заведетъ конфедерацію, свергнетъ короля Августа и вмѣсто его посадитъ такого, который Пруссію оставитъ въ покоѣ, а съ Россіею начнетъ споры, предъявитъ претензіи на Украйну, Смоленскъ, Лифляндію (какъ Поляки привыкли дѣлать): тогда что̀ будемъ дѣлать? Безъ помощи другихъ державъ одни мы не управимся; къ другимъ державамъ обращаться будетъ поздно, потому что ни одна изъ нихъ не будетъ уже въ состояніи сопротивляться, ни Англія, ни Голландія, ни королева Венгерская, ни нынѣшній король Польскій. Даютъ знать, что король Прусскій посылалъ емиссара въ Турцію для возбужденія султана противъ Венгріи и Россіи; султанъ и шахъ Персидскій не упустятъ удобнаго случая вмѣшаться въ войну противъ Россіи, чтобъ ее со всѣхъ сторонъ поубавить: тогда какъ себя будемъ оборонять? Хотя ваше императорское величество лично получили не мало огорченія отъ злаго намѣренія и поступковъ мерзкаго Ботты (въ чемъ сама королева чрезъ присылку посла признается и удовлетвореніе дать желаетъ); однако въ интересахъ вашего государства допустить паденіе Австрійскаго дома очень опасно, потому что Австрія нужна намъ при часто случающихся перемѣнахъ европейскихъ и въ случаѣ войны Турецкой, тѣмъ болѣе, что за эти выгоды, которыя получатъ короли Прусскій, Испанскій, Французскій и Цесарь въ нынѣшней войнѣ, никто изъ нихъ вашему величеству спасибо не скажетъ, только признаютъ со стороны Россіи явную оплошность и будутъ наводить на нее всевозможныя бѣдствія, потому что они на великую силу Россіи смотрятъ съ большою завистію и всячески стараются, чтобы привести ее въ прежнія границы. Поэтому необходимо нужно, чтобы ваше императорское величество соизволили натуральныхъ и старинныхъ друзей держаться и принять мѣры для своей безопасности вслѣдствіе опаснаго усиленія Прусскаго короля, расположить при границахъ Лифляндіи и Польши значительный корпусъ войска, велѣть и нерегулярному войску быть въ готовности къ походу; объявить себя посредницею для прекращенія войны; дать указъ русскому министру при польскомъ дворѣ— внушать королю и магнатамъ, что въ случаѣ нападенія на Польшу или возбужденія конфедераціи, ваше величество твердо намѣрены противодѣйствовать этому всѣми силами". Канцлеръ Бестужевъ объявилъ, что вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ вице-канцлера, тѣмъ болѣе,

что русскій министръ въ Польшѣ Любрасъ уже донесъ о стараніяхъ Прусскаго короля поднять конфедерацію въ Польшѣ и свергнуть короля Августа.

Сама императрица объявила саксонскому министру Флеммингу, что она пребудетъ всегда вѣрною и истинною союзницею его короля, и въ случаѣ нападенія на него, поспѣшитъ на помощь. Но Австріи грозитъ также опасность, и Воронцовъ представлялъ, что никакъ не слѣдуетъ допускать ее до паденія; при этомъ вице-канцлеръ старался внушить, что Марія-Терезія готова дать удовлетвореніе по дѣлу Ботты. Дѣйствительно, Венгерская королева, видя опять грозу со стороны Пруссіи, хлопотала о сближеніи съ Россіей, о смягченіи гнѣва императрицы Елисаветы за Ботту. Марія-Терезія написала Елисаветѣ письмо, въ которомъ старалась оправдать свое поведеніе въ дѣлѣ Ботты, давала знать, что не во всѣхъ земляхъ дѣйствуютъ одинаковые законы и что верховная власть въ нѣкоторыхъ странахъ ограниченнѣе, чѣмъ въ другихъ; что возможно для императрицы Всероссійской, то невозможно для королевы Венгерской. Но Елисавета не могла еще простить оскорбленія, и когда Бестужевъ сталъ просить, чтобы все дѣло предано было забвенію, то она отвѣчала ему въ сильномъ гнѣвѣ, что какъ себя помнитъ, отъ Австрійскаго дома испытывала только ненависть и преслѣдованія. Во время ея дѣтства посланникъ императора Карла VI, графъ Рабутинъ, дѣлалъ ей зло; жена императора, мать Маріи-Терезіи, внушала тогдашнему русскому правительству, чтобъ ее, Елисавету, заключить въ монастырь; сама Марія-Терезія, по дѣлу Ботты, обвиняла ее во лжи передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но Бестужевъ, давши пройдти вспышкѣ гнѣва, продолжалъ твердить о необходимости сближенія съ Австріею, и наконецъ, императрица объявила, что если австрійскій посланникъ, графъ Розенбергъ, подпишетъ объявленіе, въ которомъ обвиненія противъ Ботты будутъ признаны основательными, то она будетъ считать дѣло оконченнымъ. Розенбергъ подписалъ объявленіе, что королева Венгерская ужасается достойнаго проклятія поступка Ботты и что напечатаніе рескрипта, посланнаго по этому случаю къ представителямъ Австріи за границею, равно какъ напечатаніе письма королевы Венгерской къ королю Прусскому, сдѣлано было противъ воли Маріи-Терезіи. Срокъ заключенія Ботты въ крѣпости (Грацъ) полагали на волю Елисаветы; обо всемъ этомъ должно быть повѣщено новымъ циркуляромъ къ посланникамъ королевы Венгерской при иностранныхъ дворахъ. Марія-Терезія сильно порицала Розенберга за подписаніе

этого акта; но, дѣлать нечего, въ Вѣнѣ сочли невозможнымъ передѣлывать дѣло: Елисавета можетъ такъ опять разсердиться, что объявитъ войну Австріи. Но, не смѣя не признать акта, подписаннаго Розенбергомъ въ Россіи, въ циркулярѣ австрійскимъ посланникамъ написали, что королева чувствуетъ отвращеніе отъ поступка, *въ которомъ обвиняется Ботта*. Съ русской стороны не замедлили дать доказательства примиренія между двумя государынями: графъ Розенбергъ до сихъ поръ не имѣлъ еще торжественной аудіенціи, теперь онъ получилъ ее; русскій посланникъ Ланчинскій, оставившій было Вѣну, получилъ приказаніе возвратиться къ своему прежнему посту, и объявилъ, именемъ своей императрицы, что она ничего не имѣетъ противъ освобожденія Ботты изъ заключенія.

Послѣ примиренія стали хлопотать о союзѣ. Бестужевъ потребовалъ отъ Вѣнскаго двора два милліона рублей ежегодной субсидіи, чтобъ имѣть возможность выставить 40.000 войска противъ Пруссіи, кромѣ 24.000 войска, обѣщаннаго морскимъ державамъ, Англіи и Голландіи. Канцлеръ представлялъ въ своемъ докладѣ, что „миръ Европы не будетъ обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока могущество Прусскаго короля не будетъ ограничено. Фридрихъ опасенъ своимъ сосѣдямъ, и особенно Россіи, тѣмъ, что онъ руководится единственно своимъ безпокойнымъ честолюбіемъ и не признаетъ ничего, что̀ до сихъ поръ считалось святымъ въ человѣческихъ обществахъ. Ограничить могущество Фридриха легко; это можно сдѣлать безъ всякой опасности, безъ всякаго риска: каждый изъ сосѣдей долженъ только постараться захватить изъ прусскихъ областей ту, которая ближе и удобнѣе для него. Прусское герцогство должно достаться Польшѣ, которая за это уступитъ Россіи земли, ближайшія къ Малороссіи“. Марія-Терезія была очень довольна этимъ планомъ; но гдѣ взять два милліона? Ихъ можно взять только у Англичанъ и Голландцевъ. Обратились къ богачамъ съ настоятельными просьбами, и англійскій посланникъ въ Вѣнѣ, Робинзонъ, представилъ проектъ договора между Англіею, Голландіею, Саксоніею, Австріею и Россіею: Россія должна выставить 50.000 войска, которое будетъ употреблено тамъ, гдѣ угодно королевѣ Венгерской; Англія и Голландія платятъ за это ежегодно два милліона голландскихъ червонныхъ, при чемъ Англія платитъ три четверти суммы, Голландія одну четверть; наконецъ, Русской императрицѣ предоставляется соотвѣтствующая доля изъ будущихъ завоеваній.

Прусскому королю приходилось очень тяжело: казаки, Татары и

Калмыки все чаще и чаще стали представляться его воображенію. Мы видѣли, что вице-канцлеръ Воронцовъ предлагалъ императрицѣ объявить себя посредницею между воюющими державами. Очень вѣроятно, что Фридрихъ зналъ объ этомъ предложеніи, тѣмъ болѣе, что онъ употреблялъ всѣ средства для привлеченія вице-канцлера на свою сторону, чтобы противопоставить его Бестужеву. Какъ бы то ни было, королю Прусскому, при грозящей опасности со стороны Россіи, не оставалось теперь другаго средства, какъ обратиться къ Елисаветѣ съ просьбою о посредничествѣ. Онъ сдѣлалъ это обращеніе въ самомъ смиренномъ тонѣ: „Императрицѣ извѣстно, какъ онъ съ самаго начала и во всѣхъ случаяхъ былъ вполнѣ преданъ ея особѣ; теперь онъ находится въ самомъ опасномъ положеніи, изъ котораго не можетъ выйдти, если императрица, къ которой онъ прибѣгаетъ, не поможетъ ему. Англіи и Саксоніи непріятно видѣть императрицу на престолѣ, и онѣ ни о чемъ другомъ не думаютъ, какъ о возстановленіи прежняго правительства“. Письмо произвело свое дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что мысль успокоить Европу своимъ посредничествомъ, и въ то же время избавить Россію отъ войны, не могла не нравиться Елисаветѣ; она объявила, что не желаетъ совершеннаго низложенія Прусскаго короля, и дѣйствительно не можетъ отрицать, что получала отъ него не разъ доказательства дружбы и довѣрія, почему и не хочетъ его погибели.

Для противодѣйствія стараніямъ Пруссіи, Англія отправила въ Петербургъ посланникомъ лорда Гиндфорда, который зналъ очень хорошо Фридриха II-го и его пріемы; Голландія отправила туда же посланникомъ Даніила Дедьё, который былъ прежде въ Россіи и пользовался расположеніемъ императрицы Елисаветы. Противъ нихъ долженъ былъ дѣйствовать французскій посланникъ Дальонъ, преемникъ Шетарди. Первымъ дѣломъ Дальона было ободрить прусскаго посланника Мардефельда, уговорить его, чтобъ онъ не пугалъ своего короля опасностями со стороны Россіи. 1-го января 1745 года Дальонъ доносилъ своему правительству: „Къ великому моему удовольствію нахожу я Мардефельда склоннымъ ободрять короля Прусскаго, а не пугать, какъ онъ прежде дѣлалъ“. Обнадеживая Мардефельда, что русское правительство не двинется, потому что канцлеръ Бестужевъ напуганъ угрозами его, Дальона, послѣдній въ то же время жаловался своему правительству на холодность Бестужева, на невозможность его подкупить. „Ослѣпить Бестужева можно только знатною суммою“ — писалъ Дальонъ — „и потому надобно ему ее доставить, а безъ того отъ

меня требовать ничего нельзя. Вице-канцлера можно гораздо легче склонить къ принятію пенсіи. Вице-канцлеръ, женатый на двоюродной сестрѣ императрицы (Скавронской), свергнетъ Бестужева, отъ чего публика получитъ пользу. Бестужевъ отъ природы не честный человѣкъ, а искусствомъ этотъ недостатокъ развился въ немъ вполнѣ. Двѣ или три подобныя ему особы: Функъ, графъ Санти, Піемонтецъ, нынѣ оберъ-церемоніймейстеръ, Веселовскій, обучающій великаго князя русскому языку, а прежде сосланный въ ссылку Петромъ I-мъ — эти три особы руководятъ Бестужевымъ, онъ слѣдуетъ ихъ урокамъ и повторяетъ ихъ. Россія вовсе не такъ сильна, какъ кажется; она сильна только издали и то въ глазахъ такихъ людей, въ интересѣ которыхъ выставлять ее какъ можно сильнѣе. Въ деньгахъ страшный недостатокъ".

Фридрихъ, ободренный донесеніями изъ Петербурга, перемѣнилъ свое поведеніе относительно тамошняго двора. Въ первыя минуты страха онъ умолялъ Елисавету о посредничествѣ; теперь, немного освободившись отъ этого страха, онъ сталъ опасаться, чтобы предложеніе его не возбудило подозрѣніе въ союзникахъ, такъ какъ оно было сдѣлано безъ ихъ вѣдома. Поэтому онъ началъ хлопотать, чтобъ Елисавета объявила, что она добровольно, безъ всякой просьбы съ его стороны, предлагаетъ свое посредничество. Такое поведеніе Прусскаго короля оскорбило императрицу, и она велѣла объявить Мардефельду, что совершенно отказывается отъ посредничества. А тутъ еще новая причина къ неудовольствію: при Русскомъ дворѣ узнали объ интригахъ Франціи и Пруссіи въ Константинополѣ, и что̀ всего хуже, орудіемъ для проведенія плановъ Фридриха въ Турціи служилъ шведскій посланникъ Карлсонъ. Прусскій король умѣлъ воспользоваться тѣмъ, что помѣстилъ сестру свою у шведскаго престола, и въ Петербургѣ видѣли, какъ онъ раскидываетъ паутину около Россіи со всѣхъ сторонъ, интригуетъ въ Швеціи, въ Польшѣ, въ Турціи. Султана упрашивали, точно такъ же какъ прежде Русскую императрицу, чтобъ онъ сдѣлалъ небывалый и позорный для христіанской Европы шагъ, предложилъ воюющимъ державамъ свое посредничество для заключенія мира; султану внушалось, что дѣло идетъ о заключеніи гибельнаго для Турціи союза между Австріею, Россіею, Польшею и Венеціею. Султанъ предложилъ свое посредничество, и Дальонъ писалъ во Францію: „Россія ничего такъ не боится, какъ Турецкой войны, и не безъ причины. Мнѣ кажется, что въ Турціи можно сдѣлать очень много хорошаго; нѣсколько татарскихъ набѣговъ, отъ которыхъ Турція всегда

можетъ отречься, причинили бы великую тревогу между русскимъ народомъ; 30.000 янычаръ въ лагерѣ со стороны Бѣлграда могли бы воспрепятствовать выходу австрійскихъ войскъ изъ Венгріи“.

Австрія и Англія не приняли магометанскаго посредничества; тогда султанъ предложилъ Франціи наступательный союзъ; Франція отказалась, выставивши побужденія, которыми, начиная со временъ Франциска I-го, никогда не руководилась: союзъ христіаннѣйшаго короля съ врагомъ христіанскаго имени для наступательной войны противъ христіанскихъ государствъ запятнаетъ навсегда имя короля, возбудитъ противъ него всю Европу, и Богъ не благословитъ французское оружіе. Настоящею же причиною отказа было опасеніе, что Россія и Германская имперія объявятъ Франціи войну. Фридрихъ II-й опять обращается къ Россіи, напоминаетъ, что между нею и Пруссіею существуетъ оборонительный союзный договоръ, и теперь время его исполнить, потому что саксонскія войска намѣрены напасть на Пруссію. Бестужевъ отвѣчалъ Мардефельду, что его король первый напалъ, и потому какой бы оборотъ война ни приняла, во все ея продолженіе будетъ оставаться нападчикомъ (aggressor), хотя бы Венгерская королева съ своими союзниками захватила всѣ его земли, точно такъ какъ въ послѣднее время Русскіе вели только оборонительную войну, хотя завоевали всю Финляндію, и потому пусть Прусскій король не надѣется на русскую помощь. Между тѣмъ Дальонъ ухаживалъ за русскимъ канцлеромъ и вице-канцлеромъ. „Вчера, писалъ онъ 4-го іюня (ст. ст.), я вторично представилъ канцлеру тѣ пріятности, которыя наиболѣе могли его побудить взять нашу сторону, но онъ выслушалъ равнодушно. Вице-канцлеръ сказалъ мнѣ: не дѣлайте намъ зла, а мы его вамъ дѣлать не будемъ. Я его взялъ за руку, и прямо смотря въ лицо, спросилъ: можетъ ли дворъ мой полагаться на все то, что̀ въ этихъ четырехъ словахъ заключается? Онъ, пожимая мнѣ руку и также смотря прямо въ лицо, отвѣчалъ: да! — Итакъ въ настоящее время о союзѣ нечего думать, и я долженъ стараться объ одномъ, чтобы Россія не давала помощи нашимъ непріятелямъ. Надѣюсь, что буду счастливъ, ничего изъ денегъ его величества не истрачу и получу однако удостовѣреніе въ нейтралитетѣ Россіи, которое до сихъ поръ она отказывается намъ дать, получу, благодаря розни между склонностями самодержицы, ея министромъ и большей части народа. По сіе время и другіе иностранные министры не больше того имѣли успѣха, но съ тою разностію, что они сыплютъ деньгами, а я деньги его величества сберегъ. Всѣ хотятъ при здѣшнемъ дворѣ

что-нибудь сдѣлать, но никто ничего не дѣлаетъ, и повидимому, никто ничего не сдѣлаетъ“.

„*Повидимому* никто ничего не сдѣлаетъ“. А если сдѣлаетъ? Если Бестужевъ, у котораго такъ много единомышленниковъ, убѣдитъ наконецъ императрицу оказать дѣятельную помощь Австріи и Саксоніи? Надобно придумать какое-нибудь средство противодѣйствія, — и придумали. Елисавета все еще холодна къ Австріи; гораздо больше расположена помочь Саксоніи по непосредственнымъ отношеніямъ къ Польшѣ: поэтому нельзя ли сначала предложить Россіи, чтобъ она явилась посредницею въ примиреніи Саксоніи съ Пруссіею, послѣ чего легко уже будетъ заключить четверной союзъ между Франціею, Россіею, Пруссіею и Саксоніею. Дальонъ въ іюлѣ обратился къ Воронцову и сдѣлалъ ему первое внушеніе объ этомъ четверномъ союзѣ. „Если такой союзъ будетъ заключенъ, говорилъ Дальонъ, то уже никто больше европейскій покой возмущать не дерзнетъ“. „Воронцовъ, писалъ Дальонъ, выслушалъ меня съ такимъ лицомъ, на которомъ выразилось больше удовольствія, нежели холодности. Онъ хотѣлъ знать, имѣю ли я точный указъ говорить ему о такомъ проектѣ? Я ему отвѣчалъ, что имѣю. Тогда онъ обѣщалъ вмѣстѣ съ канцлеромъ доложить объ этомъ государынѣ, обнадеживая, что употребляются всевозможныя старанія о примиреніи Польскаго и Прусскаго королей. Склонность Воронцова къ миру высказалась въ тѣхъ сильныхъ похвалахъ, которыя онъ воздавалъ памяти и великимъ видамъ Петра I-го. Почти нѣтъ сомнѣнія, что Воронцовъ Бестужева свергнетъ, и это случилось бы очень скоро, если бы, къ несчастію, болѣзнь не принуждала Воронцова ѣхать на нѣсколько времени въ болѣе благорастворенный климатъ; я его почти уговорилъ провести зиму въ Монпелье или Парижѣ: это дастъ вамъ возможность привести его добрыя расположенія въ полную зрѣлость; онъ и въ отсутствіи всегда будетъ имѣть значительное вліяніе на рѣшенія императрицы. Мардефельдъ совѣтовалъ мнѣ предложить канцлеру и вице-канцлеру по 50.000 рублей; но я королевскія деньги, сколько возможно, буду беречь“.

Не одинъ Воронцовъ, никто въ Россіи не хотѣлъ войны безъ крайней необходимости; но императрица и большинство вельможъ, ее окружавшихъ, видѣли эту необходимость въ опасномъ усиленіи, въ опасныхъ замыслахъ Прусскаго короля, противъ котораго нужно было прежде всего поддержать Саксонію (Польскаго короля); оставались спокойными, когда вторая война шла неудачно для Фридриха, когда по смерти императора Карла VII Баварія заключила отдѣльный миръ съ Маріею-

Терезіею, мужъ которой, Францъ, великій герцогъ Тосканскій, былъ избранъ императоромъ; но сильно встревожились, когда узнали, что Фридрихъ предпринялъ наступательное движеніе на Саксонію. Въ половинѣ августа 1745 года Дальонъ доносилъ: „Саксонскій резидентъ съ крикомъ и воплемъ требуетъ помощи своему государю; канцлеръ поддерживаетъ его требованія или показываетъ видъ, что поддерживаетъ, но вице-канцлеръ обнаруживаетъ склонность въ пользу короля Прусскаго. Мардефельдъ побуждаетъ меня предложить обоимъ по 50.000 рублей. Я нѣсколько дней еще помедлю, ибо внутреннее состояніе страны подаетъ мнѣ надежду, что и безъ траты королевскихъ денегъ Россія сама собою склонится къ нейтралитету; грозить и стращать она будетъ, но при томъ и останется". Но при Петербургскомъ дворѣ дѣло шло серіознѣе. 13-го сентября канцлеръ Бестужевъ подалъ мнѣніе, въ началѣ котораго разсматривалъ всѣ союзы, заключенные въ царствованіе Елисаветы съ разными государствами. Канцлеръ распространился о выгодахъ союза, заключеннаго съ Англіею: „это союзъ самый древній, онъ основанъ на взаимной безопасности обѣихъ коронъ противъ Швеціи, Даніи, Пруссіи и Польши, на взаимномъ благѣ обоихъ государствъ и на производимой Англичанами въ Россіи торговлѣ; Англичане ежегодно продаютъ и покупаютъ товаровъ болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей, и изъ этой суммы гораздо болѣе полумилліона рублей остается въ Россіи; посредствомъ этой торговли съ Англичанами сбывается наибольшая часть русскихъ произведеній. Петръ Великій въ надобности и пользѣ постоянной дружбы съ Англіею такъ былъ убѣжденъ, что не смотря на неудовольствіе свое на Англійскаго короля Георга I-го по поводу мекленбургскихъ дѣлъ, никакъ не хотѣлъ, чтобъ эти неудовольствія вредили связямъ и дружбѣ съ Англіею. Второй союзъ былъ возобновленъ съ королемъ Прусскимъ: и этотъ союзъ могъ бы быть также очень полезенъ, еслибъ опытъ не показалъ, какъ дурно Фридрихъ II-й сдерживаетъ свое слово и исполняетъ свои обязательства, какъ мало поэтому можно положиться на всѣ его ласкательныя обнадеживанія, въ подтвержденіе чего и графъ Чернышевъ изъ Берлина доноситъ, что на Прусскаго короля никакъ положиться нельзя, зная, что онъ систему свою соображаетъ только съ однѣми случайностями. Прусскій союзъ могъ быть важенъ для Россіи въ томъ отношеніи, что Пруссія должна была перестать поддерживать Швецію; но съ тѣхъ поръ, какъ Прусскій король посредствомъ супружества сестры своей съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ пріобрѣлъ большія связи и сильное вліяніе въ странѣ,

я сомнѣваюсь, чтобы въ случаѣ нашей распри съ Швеціею, онъ могъ быть намъ полезенъ; напротивъ, надобно опасаться, чтобы связи и вліянія этого гордаго государя и сестры его въ Швеціи когда-нибудь не оказались для насъ очень вредными, если имъ не положатся скоро предѣлы. Прусскій король уже и теперь, благодаря своей сильной партіи, получилъ въ Швеціи гораздо больше власти и кредита, нежели мы; безъ сомнѣнія, онъ самъ научаетъ сестру свою стараться объ отмѣнѣ существующей формы правленія въ Швеціи и о возстановленіи тамъ самодержавія, не упоминая о томъ, что онъ въ Польшѣ и другихъ мѣстахъ и при самой Оттоманской Портѣ составляетъ себѣ такія сильныя партіи, имѣетъ такія тайныя соглашенія и связи, которыя съ интересами Россіи никакъ не сходятся. Третій союзъ — съ королемъ Польскимъ, какъ съ курфирстомъ Саксонскимъ: польза союза очевидна по взаимной безопасности отъ Пруссіи и Швеціи и по вліянію, какое имѣетъ курфирстъ на германскія дѣла въ качествѣ викарія. Благодаря этимъ союзамъ Россія могла наслаждаться миромъ при всеобщихъ войнахъ; но въ настоящихъ обстоятельствахъ нельзя осудить себя на бездѣйствіе, иначе дружбу и уваженіе всѣхъ державъ и союзниковъ потерять можно. Нужно, слѣдовательно, какую-нибудь сторону избрать, и всего лучше принять мнѣніе вице-канцлера отъ 11-го сентября 1744 года. Мое же мнѣніе состоитъ въ томъ, что интересы вашего величества, честь и безопасность имперіи на будущее время требуютъ принять такія мѣры, которыми древняя истинная европейская система могла быть возстановлена и подкрѣплена, безъ принятія однако вашимъ величествомъ прямаго участія въ качествѣ воюющей стороны; примѣръ представляетъ Голландія, которая въ пользу Англіи и королевы Венгерской даетъ войско и деньги, не принимая однако прямымъ образомъ участія въ войнѣ и будучи признаваема только помощницею. Теперь война между обоими союзниками Россіи, королемъ Прусскимъ и Польскимъ; оба имѣютъ право требовать исполненія трактатовъ — какъ же быть, на которую сторону склониться? Разумѣется, на Саксонскую, потому что король Прусскій нарушитель всеобщаго спокойствія: онъ безо всякой причины напалъ на Саксонію и королеву Венгерскую, нарушивъ Бреславскій миръ, гарантированный Россіею и Англіею. Король Прусскій, не взирая на всѣ увѣщанія, на собственныя его здѣсь чрезъ барона Мардефельда сдѣланныя обнадеживанія, что онъ противъ наслѣдныхъ земель короля Польскаго, ни же противъ тишины въ королевствѣ Польскомъ ничего не предприметъ, воспользовался неудовольствіемъ Сендомирскаго воеводы Тарла

и предлагалъ ему польскую корону, или, если Тарло этой короны не хочетъ, обѣщалъ возвесть опять Станислава Лещинскаго, лишь бы Тарло составилъ конфедерацію и отказалъ Польскому королю въ повиновеніи; воеводѣ внушалось, что успѣхъ дѣла несомнѣненъ, потому что Франція и Пруссія будутъ его поддерживать. Если бы, какъ я предлагалъ въ августѣ прошлаго года, 10.000 казаковъ были въ готовности къ походу, или, если бы, какъ писалъ братъ мой изъ Дрездена и предлагалъ здѣсь саксонскій резидентъ Пецольдъ, отправлено было 12.000 войска, за которое Польскій король обязывался платить субсидіи, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, король Польскій не отважился бы напасть на Саксонію, и намъ теперь было бы легче, и субсидіями между тѣмъ пользовались бы. Итакъ, мнѣ кажется, что необходимо выполнить обязательство относительно Саксоніи и подать ея курфирсту немедленную помощь, если ваше величество не желаете, чтобы король Прусскій, ко вреду всѣхъ своихъ сосѣдей, болѣе усилился, а король Польскій, какъ полезнѣйшій вашъ союзникъ, съ наслѣдными своими землями преданъ былъ ему въ жертву, или, по безсилію своему, не будучи въ состояніи обороняться одинъ, присталъ къ французской партіи и принялъ императорскую корону, что будетъ имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ замѣшательства въ Польшѣ, для прекращенія которыхъ понадобится вдвое болѣе войска".

20-го сентября 1745 года это мнѣніе было слушано въ „Собраніи при дворѣ". Тутъ же слушаны были и мнѣнія другихъ членовъ собранія или конференціи. Въ мнѣніи Черкасова говорилось: „Короля Прусскаго нельзя допустить болѣе усиливаться; королю Польскому надобно помочь диверсіею: находящіеся въ Лифляндіи и Эстляндіи полки ввести въ Курляндію и тамъ имъ зимовать, а на весну и всѣ полевые полки привести на границы. Этимъ способомъ Прусскій король лучше пойметъ увѣщанія ея величества, а если и это его не исправитъ, то ея величество можетъ свое войско употреблять по своему благоусмотрѣнію для усмиренія короля Прусскаго". Мнѣніе Румянцова было въ томъ же смыслѣ. Князь Куракинъ предлагалъ, по договору, послать Польскому королю на помощь 12.000 войска, а по надобности, и болѣе. По мнѣнію Ушакова, надобно было послать 12.000 войска на помощь королю Польскому и сдѣлать диверсію въ Курляндію. Князь Долгорукій требовалъ тѣмъ же средствомъ положить предѣлъ замысламъ короля Прусскаго, представляя опасность, что Фридрихъ II-й въ союзѣ съ Франціею, и въ Швеціи, надобно думать, имѣетъ сильную партію; если онъ допущенъ будетъ сдѣлать

что-нибудь надъ Саксоніею, то потомъ поднимется и на Польшу, а наконецъ, по соглашенію и съ помощію Французовъ и Шведовъ, обратится и противъ Россіи и покусится овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею или для себя, или для уступки ихъ Шведамъ. Вице-канцлеръ Воронцовъ былъ умѣреннѣе всѣхъ. Въ мнѣніи своемъ, поданномъ еще 19-го августа, онъ предложилъ не посылать войска на помощь Саксоніи, но дать деньги, при чемъ уговаривать Пруссію и Саксонію къ миру. Но императрица не была на его сторонѣ: она четыре часа присутствовала при разсужденіяхъ въ конференціи и горячо высказывала необходимость сдержать Прусскаго короля. Было положено, что нападеніемъ Фридриха II-го на Саксонію Россія поставлена въ необходимость исполнить свое обязательство относительно Саксоніи, вслѣдствіе чего велѣно было поставить на военную ногу четырнадцатитысячный корпусъ, а къ веснѣ хотѣли приготовить отъ 50 до 60 тысячъ войска; 20.000 казаковъ должны были также выступить въ поле. Дальонъ долго крѣпился; наконецъ, въ первыхъ числахъ декабря предложилъ Бестужеву 50.000 рублей съ тѣмъ, чтобы назначенныя на помощь Саксонскому курфирсту войска совсѣмъ, или по крайней мѣрѣ, будущею весною не выступали въ походъ, оставались безъ дѣйствія въ Курляндіи. Канцлеръ отвѣчалъ ему одинъ разъ навсегда, чтобы впередъ не осмѣливался предлагать денегъ, иначе навлечетъ на себя большія непріятности; въ тотъ же вечеръ на маскарадѣ Бестужевъ донесъ объ этомъ императрицѣ.

Успѣхи Фридриха II-го въ Саксоніи усилили движеніе въ Петербургѣ. 21-го декабря назначенъ былъ совѣтъ по прусско-саксонскимъ дѣламъ, который мы имѣемъ возможность описать подробно. Созваны были въ совѣтъ, въ зимній ея императорскаго величества домъ: 1) канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, 2) оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, 3) генералъ-аншефъ графъ Румянцовъ, 4) дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, 5) генералъ-аншефъ Бутурлинъ, 6) генералъ-аншефъ князь Репнинъ, 7) генералъ-кригсъ-коммиссаръ графъ Апраксинъ, 8) тайный совѣтникъ баронъ Черкасовъ, 9) тайный совѣтникъ Юрьевъ, 10) тайный совѣтникъ Веселовскій. Засѣданіе началось въ 9 часовъ передъ полуднемъ, и въ началѣ барономъ Черкасовымъ предъявленъ и прочтенъ сему собранію данный за подписаніемъ ея императорскаго величества собственной руки указъ отъ 20-го сего же декабря, по которому повелѣно: „Въ разсужденіи того, что король Прусскій, не показавъ ни малѣйшей атенціи ко всѣмъ понынѣ отъ ея императорскаго величе-

ства учиненнымъ найдружелюбнѣйшимъ отсовѣтованіямъ и предъявленнымъ къ примиренію съ королемъ Польскимъ, яко курфирстомъ Саксонскимъ, въ происшедшихъ между ими распряхъ добрымъ офиціямъ, подъ претекстомъ предупрежденія своихъ непріятелей Аустрифцовъ, въ Саксонію незапнымъ образомъ не токмо впаденіе учинилъ, но и нынѣ въ оной свои непріятельства къ крайнѣйшему всего сего курфирства разоренію производя, по отобраніи уже многихъ городовъ, и столицу взялъ и въ оной изъ королевской фамиліи двухъ принцевъ военными плѣнными учинилъ, и, единымъ словомъ, всю Саксонію своему игу подвергнулъ, — по выслушаніи всѣхъ реляцій и до того принадлежащихъ дѣлъ и извѣстій, и по довольномъ разсужденіи и уваженіи таковыхъ критическихъ обстоятельствъ, свое мнѣніе объявить, какія для возвращенія королю Польскому наслѣдной его земли, удержанія его на польскомъ престолѣ и для сокращенія, въ разсужденіи собственной Россійской имперіи безопасности, силъ короля Прусскаго, наиспособнѣйшія и надежнѣйшія мѣры принять надлежитъ“

„По выслушаніи такого именнаго ея императорскаго величества указа, тотчасъ чтена особливо сочиненная о содержаніи секрета присяга, которая потомъ тѣми персонами и подписана. Послѣ чего начато слушать прежнія, до сего дѣла касающіяся мнѣнія вице-канцлера и канцлера, протоколъ совѣта, держаннаго при дворѣ 19-го сентября 1745 года съ принадлежащими къ тому пьесами, рескрипты и реляціи, которыхъ чтеніемъ до полдвѣнадцатаго часа продолжаемо было. Въ то самое время ея императорское величество въ помянутой апартаментъ прибыть и высочайшею своею особою въ императорскія кресла сѣдши, и повелѣвъ всѣмъ присутствующимъ персонамъ по ихъ мѣстамъ равномѣрно сѣсть, производящимся при томъ о причинѣ сего совѣта разсужденіямъ всемилостивѣйше присутствовать изволила, еже продолжалось до 2 часовъ по полудни, но при томъ ничего позитивнаго еще на мѣрѣ положено не было. Потомъ ея императорское величество изволила идти въ другой апартаментъ кушать и всемилостивѣйше повелѣла съ собою всѣмъ тамъ въ собраніи находящимся персонамъ за своимъ императорскимъ столомъ обѣдать. Послѣ обѣда оныя персоны паки всѣ собрались и начали въ 5 часовъ пополудни министерскія реляціи, разныя сообщенія и прочія до того касающіяся піесы слушать, и чтеніе оныхъ до 11 часовъ продолжалось, и тогда ея императорское величество вторично въ аппартаментъ совѣта придти и съ присутствующими персонами о разныхъ дѣлахъ до того совѣта

касающихся высочайшею своею особою около получаса всемилостивѣйше разсуждать изволила. Почемъ собраніе и разъѣхалось“

Совѣтъ собирался и слѣдующіе дни. Но Прусскій король, обезпокоенный извѣстіями о расположеніи умовъ въ Петербургѣ, спѣшилъ заключить миръ съ Саксоніею и Австріею. Что именно страхъ предъ русскою войною заставилъ Фридриха поспѣшить заключеніемъ этого невыгоднаго для него мира, ясно видно изъ собственнаго его признанія. „Надобно было принять въ соображеніе, говоритъ онъ, что какъ ни счастлива была война въ Саксоніи, все же это былъ пожаръ въ сосѣднемъ домѣ, и пламя могло перекинуться на нашъ домъ; кромѣ того, *надобно было покончить эту войну какъ можно скорѣе, чтобы не дать Россіи въ нее вмѣшаться*“. Миръ былъ заключенъ въ Дрезденѣ 26-го декабря 1745 года. Фридрихъ II-й, несмотря на то, что заключилъ его завоевателемъ въ столицѣ Саксоніи, долженъ былъ ограничиться условіями Бреславскаго мира, по прежнему удерживалъ Силезію, но обязывался признать императоромъ мужа Маріи-Терезіи; эти условія показывали ясно, какъ онъ боялся, какъ онъ спѣшилъ, какъ приготовленія Россіи заставили его отказаться отъ результатовъ блистательной кампаніи.

Миръ былъ заключенъ между Австріею, Саксоніею и Пруссіею; но война продолжалась на западѣ между Австріею и морскими державами съ одной стороны, Франціею и Испаніею съ другой, и кто могъ поручиться, что Прусскій король, при первомъ удобномъ случаѣ, опять не вмѣшается въ эту войну, не нарушитъ такъ же легко и Дрезденскій миръ, какъ нарушилъ Бреславскій? Если Фридрихъ, испугавшись военныхъ приготовленій Россіи, поспѣшилъ теперь окончить войну, то изъ этого вытекало прямо, что самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ противъ его замысловъ будетъ оборонительный союзъ съ Россіею. Въ Петербургѣ также ясно высказалось убѣжденіе въ томъ, какого опаснаго сосѣда имѣетъ Россія въ королѣ Прусскомъ, въ необходимости остановить его честолюбивые замыслы поддержаніемъ государствъ, сдѣлавшихся жертвою его честолюбія, въ необходимости принять участіе въ войнѣ, хотя и не прямое. При такихъ расположеніяхъ сближеніи Россіи съ Австріею было необходимо. Сожалѣніе, что не послушались Бестужева и во-время не обезопасили Саксонію отъ прусскаго нападенія, должно было заставлять торопиться этимъ сближеніемъ. Еще до Дрезденскаго мира, когда только при дворѣ Елисаветы узнали, что Саксонія, доведенная до крайности, готова мириться съ Прусскимъ королемъ, то Маріи-Терезіи дано было знать, что въ случаѣ

продолженія войны между Австріею и Пруссіею тридцать русскихъ полковъ готовы двинуться противъ Пруссіи. Когда узнали, что заключенъ миръ и между Австріею и Пруссіею, то Бестужевъ объявилъ, что если Марія-Терезія захочетъ возобновить войну, то Россія будетъ помогать ей стотысячною арміею. Марія-Терезія не возобновила войны, но спѣшила обезпечить себя на случай ея возобновленія со стороны Фридриха II-го. Въ началѣ 1746 года она дала полномочіе фельдмаршалъ-лейтенанту Претлаку и резиденту своему при Петербургскомъ дворѣ Гогенгольцу — заключить оборонительный союзъ съ Россіею, и въ концѣ мая договоръ былъ подписанъ. Въ отдѣльной статьѣ его русское правительство объявляло, что оно не обязано принимать участія въ настоящей войнѣ; но если морскія державы согласятся платить ему субсидіи, то оно отправитъ двадцатичетырехтысячный корпусъ къ нимъ на помощь. Въ такомъ случаѣ Россія дастъ и Маріи-Терезіи шеститысячный вспомогательный корпусъ безъ субсидій, только на содержаніи Австріи; это тридцатитысячное вспомогательное войско можетъ быть употреблено въ Нидерландахъ и на Рейнѣ.

Бестужевъ-Рюминъ торжествовалъ; но враги его не теряли надежды свергнуть ненавистнаго канцлера, и по прежнему, главное орудіе для этого видѣли въ вице-канцлерѣ Воронцовѣ. Послѣдній возвратился изъ-за границы рѣшительнымъ противникомъ политики Бестужева. Возвращаясь, онъ сдѣлалъ нарочно крюкъ, чтобы посѣтить мать великой княгини Екатерины Алексѣевны, герцогиню Ангальтъ-Цербстскую, отъ которой привезъ письмо къ дочери. Въ письмѣ мать упрекала дочь, что рѣдко пишетъ къ ней; жаловалась, что великій князь удалилъ отъ себя Брюммера и Берггольца, людей, вполнѣ ему преданныхъ; жаловалась, что въ Голштиніи, гдѣ великій князь принялъ управленіе, преслѣдуютъ людей брата ея, бывшаго администратора; указывала на Датчанъ, какъ на виновниковъ ссоры между родными, принцами Голштинскими. „Въ графѣ Воронцовѣ, писала герцогиня, я нашла такую преданность, такую ревность къ общему дѣлу, что искренно сообщила ему свое мнѣніе, что всѣми мѣрами должно стараться о примиреніи умовъ. Онъ мнѣ обѣщалъ стараться объ этомъ. Соединитесь съ нимъ, и будете въ состояніи уяснить себѣ это трудное положеніе, но будьте осторожны и не пренебрегайте никѣмъ. Усердно прошу, сожгите всѣ мои письма, особенно это“. Фридрихъ II отлично принялъ Воронцова, подарилъ ему богатую шпагу съ бриллiантами и велѣлъ даромъ возить его по всѣмъ своимъ областямъ. Мардефельдъ, въ своихъ письмахъ къ Воронцову, называлъ его наи-

достойнѣйшимъ министромъ и напчестнѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ.

Но Бестужевъ держался крѣпко, и въ ноябрѣ 1747 года заключенъ былъ договоръ между Россіею и морскими державами, вслѣдствіе котораго въ январѣ 1748 года тридцатитысячный корпусъ русскаго войска, подъ начальствомъ князя Репнина, двинулся черезъ Польшу и Богемію къ Нидерландамъ. Считали очень способнымъ къ командованію генерала Бисмарка, родственника Биронова, но не захотѣли его назначить, потому что онъ былъ прусскій подданный. Въ то время, какъ движеніе русскихъ войскъ ускоряло мирные переговоры, начатые въ Ахенѣ, въ то время, какъ Франція спѣшила войдти съ морскими державами въ соглашеніе, по которому обязывалась вывести изъ Нидерландъ 30.000 своего войска, если только морскія державы остановятъ движеніе русскаго войска,—въ это время въ Петербургѣ враги Бестужева боялись, что русское войско будетъ двигаться очень медленно и не успѣетъ потерпѣть пораженіе отъ непріятеля! По ихъ мнѣнію, такое несчастіе было единственнымъ средствомъ излѣчить императрицу отъ ея слѣпой вѣры въ канцлера, и пока дѣла шли хорошо, сверженіе Бестужева было невозможно. Прусскій министръ при Петербургскомъ дворѣ, донося объ этихъ мнѣніяхъ своему королю, замѣчаетъ: „Желательно, чтобы сбылось по ихъ; но я не поручусь, чтобъ и въ случаѣ неудачи русскаго войска, канцлеръ не нашелъ средствъ удержаться: у него больше ловкости и больше поддержки, чѣмъ у враговъ его“ Одно изъ первыхъ мѣстъ между этими врагами занималъ генералъ-прокуроръ князь Трубецкой; въ апрѣлѣ 1748 года онъ опасно занемогъ, и прусскій министръ писалъ къ своему двору: „Это будетъ большая потеря; смертію Трубецкаго канцлеръ освободится отъ самаго опаснаго изъ своихъ враговъ, которыхъ онъ имѣетъ внутри Россіи. Графъ Лестокъ и Воронцовъ, связанные дружбою съ Трубецкимъ, очень безпокоятся, и не безъ причины“

Русскія войска не потерпѣли пораженія; Бестужевъ не былъ свергнутъ, и расположеніе къ нему императрицы становилось все очевиднѣе; Ахенскіе переговоры кончились въ октябрѣ 1748 года миромъ между всѣми воюющими державами. Но этотъ миръ не могъ быть продолжительнымъ: среди Европы явилось государство, котораго глава, по своему характеру, по своимъ личнымъ средствамъ, не могъ оставаться въ покоѣ и оставлять другихъ въ покоѣ. Своимъ поведеніемъ въ войнѣ за Австрійское наслѣдство онъ вооружилъ противъ себя сосѣдей—Австрію, Саксонію, Россію, которыя заботливо стерегли всѣ

его движенія, и не ожидая отъ нихъ ничего для себя хорошаго, били постоянную тревогу; Фридрихъ, съ своей стороны, видя такія отношенія, долженъ былъ дѣйствовать по инстинкту самосохраненія. Уже въ войну за австрійское наслѣдство обозначились перемѣны, которыя должны были необходимо послѣдовать въ отношеніяхъ между главными державами Европы. Англія заступилась за Австрію, не желая усиленія на ея счетъ Франціи; препятствовать усиленію Пруссіи не было въ ея интересахъ, и чтобы дать Австріи возможность дѣйствовать противъ Франціи, она постоянно хлопочетъ о примиреніи Пруссіи съ Австріею, и всегда на счетъ послѣдней, всегда уговариваетъ ее уступать Пруссіи. Это сильно раздражаетъ Австрію и ведетъ естественно къ охлажденію между нею и Англіею. Это охлажденіе, въ свою очередь, ведетъ къ сближенію Австріи съ Франціею. Австрія изъ войны за наслѣдство видитъ ясно, что самый опасный врагъ ея теперь не Франція, а Пруссія; Франція начинаетъ также усматривать, что пора забыть старую вражду къ Австріи, что эта держава теперь болѣе не опасна, что на востокѣ, со стороны Германіи, сильнѣе Австріи и слѣдовательно, опаснѣе для Франціи становится Пруссія. Такимъ образомъ, благодаря отношеніямъ, вскрывшимся въ войну за австрійское наслѣдство, Европа дѣлится на два союза: сѣверный, протестантскій, англо-прусскій, и южный, католическій, франко-австрійскій. Такъ выстроивались европейскія государства, чтобы вступить въ борьбу, извѣстную подъ именемъ Семилѣтней войны.

Что̀ же Россія? Останется ли она хладнокровною зрительницею борьбы, или примкнетъ къ одному изъ союзовъ? Ея политика вполнѣ опредѣлилась въ войну за австрійское наслѣдство. Россія убѣдилась, что король Прусскій для нея сосѣдъ опасный, особенно для Остзейскихъ провинцій, опасный самъ по себѣ и по отношеніямъ къ Швеціи; убѣдилась, что для отвращенія этой опасности необходимо поддерживать противъ Пруссіи слабѣйшихъ сосѣдей — Австрію и Саксонію. Еще до заключенія Ахенскаго мира, когда морскія державы начали ухаживать за Пруссіею и писать прелиминарныя статьи безъ вѣдома Австріи, 10-го мая 1748 года Бестужевъ далъ слѣдующую записку англійскому послу лорду Гиндфорду и голландскому министру Шварцу: „Императрица узнала, что обѣ морскія державы хотятъ включить Прусскаго короля въ Ахенскій миръ и намѣрены требовать добрыхъ его оффицій для его заключенія, за что̀ предлагаютъ ему гарантію какъ старыхъ, такъ и новыхъ его областей. Императрица объявляетъ: интересъ ея, обѣихъ морскихъ державъ и императрицы-королевы Ма-

ріи-Терезіи требуетъ не только не допускать большее соединеніе короля Прусскаго съ Франціею, но стараться сіи оба высокомысленные дворы между собою раздѣлить. Если Англія и Голландія, приглашая Прусскаго короля, ласкаютъ себя надеждою отвлечь его отъ прежней системы, то напрасно: король Прусскій служившимъ ему донынѣ счастіемъ столь утвердился въ нынѣшней своей системѣ, что никакъ не захочетъ ее оставить, и приглашеніе со стороны морскихъ державъ почтетъ признакомъ слабости. До сихъ поръ сдерживаетъ его только твердость со стороны Россіи и морскихъ державъ. Если Англійскій король боится нападеній Прусскаго короля на Ганноверъ, то можетъ надѣяться, что отправленный Россіею тридцатитысячный корпусъ, находящійся въ Германіи, и другой сильнѣйшій съ 50 галерами въ Лифляндіи учинятъ сильную диверсію. Если морскія державы желаютъ заключить прелиминаріи съ Франціею и Испаніею безъ вѣдома Маріи-Терезіи, то это произведетъ недовѣріе между союзниками, чего такъ желаетъ Франція. Если морскія державы призовутъ на Ахенскій конгрессъ Прусскаго министра, то Русская императрица, не жалѣвшая ничего для поддержанія генеральнаго мира, не хочетъ быть сравнена съ такимъ государемъ, который авторомъ есть всѣхъ нынѣшнихъ въ Европѣ замѣшательствъ, и который ничего иного не ищетъ, какъ въ мутной водѣ рыбу ловить: въ такомъ случаѣ ея величество не только министра своего на конгресъ не отправитъ и Прусскому королю его новыя области не гарантируетъ, но и къ командующему своимъ корпусомъ сходственныя потому инструкціи отправитъ".

Когда по заключеніи общаго мира Фридрихъ II-й началъ набирать войско, Россія встревожилась и поспѣшила обратить на это вниманіе Австрійскаго двора. Посолъ Маріи-Терезіи при Петербургскомъ дворѣ, графъ Бернесъ, 14-го марта 1749 года получилъ слѣдующую промеморію: „Никакъ понять нельзя, для чего бы король Прусскій въ такое время, когда вся Европа вожделѣннымъ покоемъ снова пользуется и ничего непріятельскаго опасаться не имѣетъ, такія великія военныя приготовленія, сильные рекрутскіе наборы предпринималъ? Только намѣреніе пріобрѣсти себѣ Шведскую Померанію, Швеціи за это помочь овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею можетъ объяснить его приготовленія къ какимъ-то внезапнымъ предпріятіямъ. Кончина нынѣшняго короля Шведскаго и тайно замышляемая, а можетъ-быть, уже и постановленная перемѣна тамошней формы правленія могутъ подать Прусскому королю наилучшій поводъ къ дальновиднымъ его и опаснымъ предпріятіямъ. Это дѣло сильно касается интересовъ им-

ператрицы-королевы, ибо легко понять, что если Швеція, съ помощію Пруссіи, введетъ у себя самодержавіе, то чрезъ это она вмѣстѣ съ Франціею и Пруссіею получитъ въ важныхъ европейскихъ дѣлахъ сильное вліяніе, тогда какъ при настоящей формѣ правленія у Швеціи всегда связаны руки, и для союзниковъ своихъ она составляетъ весьма слабое и негодное орудіе. По отношенію Пруссіи къ Австріи Фридрихъ II-й останется всегда тайнымъ врагомъ и ненавистникомъ римско-императорскаго двора, и не упуститъ никакого случая еще болѣе усилить себя на счетъ Австріи. Императрица Всероссійская ласкаетъ себя надеждою, что ея величество Римская императрица, при настоящихъ очень деликатныхъ обстоятельствахъ, найдетъ полезнымъ повелѣть содержать въ готовности тридцатитысячный корпусъ на Богемскихъ и Моравскихъ границахъ и въ потребномъ случаѣ удвоить его, чтобы тотчасъ сдѣлать диверсію въ Силезію, если король Прусскій вмѣшается въ шведскія дѣла и нападетъ на Россію".

Такъ, въ войну за Австрійское наслѣдство утвердился взглядъ русскаго правительства на отношенія къ Пруссіи; этотъ взглядъ остался неизмѣннымъ и условилъ положеніе Россіи въ Семилѣтнюю войну.

С. Соловьевъ.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской, домъ № 15.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кв. № 3.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"